

Энни Вилкс

ЗМЕИНЫЙ
КРЕСТ

18+

Энни Вилкс

Змеиный крест

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67572944

SelfPub; 2023

Аннотация

Мечтает ли служанка оказаться наследницей древнего магического рода? Что делать, если судьба вышвырнула тебя из тени на свет, и ты стала важной фигурой в интригах знатных семей и развертывающейся войне? Полюбит ли тебя таинственный шепчущий, если заглянет в твою душу? Будет ли он защищать тебя, даже зная все твои секреты? И можно ли случайно встретить скрывающегося под чужой личиной опаснейшего человека Империи и остаться в живых? Что будет, если он разглядит тебя, спасет – и запомнит? _____ Первая часть дилогии. Вторая часть – «Запах ночного неба».

Содержание

Двадцать восемь лет назад.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Энни Вилкс

Змеиный крест

Двадцать восемь лет назад.

Юория была еще совсем ребенком, когда ее мать, Лита, по указанию своего троюродного брата, старшего мужчины семьи Карион, взяла ее с собой на встречу. Маленькая Юория тогда ужасно расстроилась, что вместо черного Обсидианового замка, о котором Лита не раз рассказывала такие захватывающие истории, что девочка считала сказками, они едут в белый замок. Лита пыталась объяснить дочери, что Даор Карион назначил встречу там и тогда, когда ему это было удобно, и что их дело – подчиниться его воле, но Юория ныла и ныла, даже когда Лита за руку провела ее через порталное окно, и они оказались в месте, настолько не напоминавшем их собственный дом. Вместо того, чтобы бегать и гладить теплые белые камни, Юория крепко держалась за мамину юбку. Это было единственным, что радовало Литу: зная брата, она предполагала, что он не остался бы в захваченном гнезде другой знатной семьи просто так. Война все еще шла, и казавшийся пустым замок вполне мог быть ее передовой.

Лита напоминала себе, что если бы ее брат хотел смерти ей и Юории, то обе они уже были бы мертвы. Никогда не

сближаясь с Даором и стараясь не следить за его делами, Лита все же не могла не замечать, как неугодные черному герцогу люди умирали, исчезали, сходили с ума и убивали свои семьи. Он никогда не посвящал ее в свои дела, не признавал и не отрицал своей вины, но Лита была уверена, что кровь, омывавшая его руки, должна была обернуться проклятием и для Даора, для всех, кто был ему дорог. Если ему хоть кто-то был дорог.

Ей не нравилось думать о себе как о Карион, но фамилия, герб с вороном, черный цвет преследовали ее, откликались в каждом почтительном поклоне прислуги, в лестии купцов, в страхе представителей других знатных семей, когда они обращались к Лите так, будто Даор стоит за ее спиной. Лита пыталась подчеркнуть, что вопреки всему следует пути Света. Однажды брат бросил ей мимоходом, что легко быть святой, если тебя боятся, и с тех пор Лита при нем молчала о пути милосердия и невмешательства.

Даор сказал ей не выходить замуж, пока он не предложит ей жениха. Его устраивало, что она, шепчущая, Карион, может быть залогом успешного союза с другой знатной семьей, но подходящего ей по положению супруга он пока не нашел. Когда Лита полюбила безродного мужчину, простак без малейшего силового потенциала, Даор предупредил ее, что связь с ним будет стоить ей и жизни, и имени. Тогда еще Лита не видела от своего брата ничего, кроме благостного равнодушия, и не приняла его слова всерьез. Она вы-

шла замуж – и муж ее был убит на охоте взбесившимся кабаном всего через неделю после свадьбы. Уничтоженная горем, Лита пришла к Даору. Он лишь пожал плечами и напомнил Лите, что она вольна делать что угодно до тех пор, пока не нарушает его приказов, и отправил ее обратно в Скальный замок, фактически заточив в нем.

Лита обнаружила, что беременна, не сразу. Поняв, что под сердцем носит ребенка, она скрыла этот факт ото всех, включая брата. Преданная ей служанка согласилась быть прикрытием, и женщины сделали вид, что хорошенькую черноволосую девочку родила именно она. Даор делами сестры не интересовался, и Лита уверилась, что смогла спрятать Юорию от пристального взора черных глаз.

До тех пор, пока Даор не приказал показать ему Юорию Карион. Юорию Карион, так он написал в своем письме. Лита выронила его, как только поняла, что Даор имел в виду.

Нельзя было обмануть черного герцога.

Они вошли в полуразрушенный зал. Очевидно, он был убран совсем недавно: в воздухе витал запах сырости, которого не могло быть там, где тлели три камина. Лита огляделась: крыша рухнула, крупные куски черепицы и перекрытий были небрежно свалены в угол, пыль – тщательно выметена. В разлом наверху было видно светлеющее утреннее небо. Снег не шел, каминны согревали комнату, было не очень холодно. Посреди когда-то роскошного кабинета, принадле-

жавшего, возможно, старшему из Вертерхардов, стоял простой стол из мореного дуба. На шершавой поверхности лежали перстни со знаком красной змеи – родовые отпечатки Теренеров, которые красные герцоги жаловали служащим им шепчущим. Некоторые из колец были в крови, некоторые – раздроблены. Всего Лита насчитала не меньше двадцати штук. Было непонятно, как Даор мог всего за день добыть их все, если он прибыл в белый замок без своей армии. Неужели он своими руками?.. Лита боялась додумать эту мысль.

Сам черный герцог сидел за столом и что-то писал. Его рабочее кресло мало походило на троны, которые так любили правители других земель, и не выглядело удобным. Рядом с ним, в таком же кресле, сидел невысокий молодой шепчущий. Достоинство, с которым он держался, прибавляло ему роста, но рядом с Даором он казался комнатной собачкой. Лита не припомнила его лица.

Юория держалась за мамину юбку и очень смущалась незнакомого мужчину, к которому было велено отнестись с почтением большим, чем к кому-либо на свете. Даор был очень красив, и пространство будто искривлялось вокруг его фигуры, притягивая взгляд к его холодному лицу. Наверно, Юории он казался великаном: почти на две головы выше мамы, выше, наверно, всех мужчин, что она когда-либо видела. Когда герцог жестом подозвал маленькую Юорию к себе, и она присела перед ним в своем первом настоящем реверансе, тяжелый металлический запах, исходивший от его камзола и

волос, внезапно нахлынул на Литу, и она порадовалась, что дочь еще не знает этого терпкого запаха смерти.

– Меня зовут Юория, – представилась девочка вежливо, и, как мама наказала, добавила: – Я рада познакомиться с вами, герцог Каор Дарион.

Какая позорная ошибка! Литу будто кипятком ошпарили, когда она увидела ответную кривую усмешку брата. Она шикнула на дочку, выступив вперед и закрывая семилетнюю малышку юбкой. Даор посмотрел на девочку с раздражением.

– Простачка как отец, к тому же, глупа.

– Она просто волнуется, – попыталась спасти ситуацию Лита.

– Ты разбавила кровь ради того, чтобы получить вот таких, – он сделал ударение на последнем слове, – детей?

Это был страшный вопрос. Лита боялась, что сейчас Даор протянет руку – и ее девочка издаст свой последний вздох, и она заткнула поглубже свою уязвленную гордость и попыталась оправдаться:

– Я думала, дочка унаследует что-то от меня, и он был хорошим человеком, сильным воином...

– Неужели? До или после того, как проиграл в честном бою лесной свинье? – не давая ей возможности ответить на это оскорбление, Даор обратился ко второму мужчине: – Как видишь, Олеар, какой бы чистой и сильной ни была кровь, а в крови Карионов заключена могущественная магия, ее сме-

шение с кровью простаков приводит к печальным последствиям. Моя сестра не задумалась об этом, посчитав, что любви достаточно. И теперь мы видим ее жалкого отпрыска, рожденного, к тому же, Карионом.

Слуга не ответил, лишь почтительно склонив голову. Лита молилась, чтобы Даор дал ей возможность уйти.

– Герцог Даор Карион, – так она всегда к нему обращалась. Никакой фамильярности. – Его уже нет, а Юорию я привезла познакомить с вами, как вы и повелели. Можем мы теперь ехать?

«Живыми» – не договорила она, но брат ее понял. Он рассматривал мнущуюся и робко улыбающуюся ему девочку как рассматривают лошадей, отбирая их для скачек. Он не мог не заметить, что внешне девочка пошла в породу Карионов, унаследовав от матери густые и гладкие черные волосы, большие темные глаза, светлую как снег кожу, а значит, была похожа и на него самого.

– Зачем вы позвали их сейчас сюда? – спросил Олеар. – Мы ведь еще не всех красных нашли, вы не боитесь, что с ребенком может что-то случиться?

– Боюсь? – иронично переспросил герцог. – Нет. Смерть моей сестры и ее ребенка из семьи Карионов, здесь, от рук красных варваров, еще до начала положила бы конец кулуарным беседам о том, что мы, гостящие в Белых землях, были готовы к подобному повороту дел более других семей.

– Что, конечно, не правда? – подхватил Олеар.

– Что, конечно, не правда, – согласился герцог, передавая ему письмо, которое не переставал писать все это время. – Это письмо нужно отослать императору.

Лита проводила свиток большими глазами.

– Там весть о нашей смерти? – решила она спросить, но Даор не удостоил ее ответом.

В этот момент в кабинет вбежал воин, одетый в черное и белое. Когда двери открылись, из галереи послышались звуки борьбы, и Лита схватила Юорию за руку, прижимая ее к себе. Слуга что-то прошептал герцогу на ухо, и тот с улыбкой кивнул. Через минуту другой воин Карионов втащил в полуразрушенный зал отчаянно упиравшуюся девушку, одетую в кожаный колет красно-бурого цвета. Она кусалась, царапалась, вырывалась и рычала, как дикая кошка.

– Нашли, – отчитался слуга. – Где ее отец не знаю, но где-то здесь. Точно прячется в замке, выйти он не мог. Их шепчущие открыть порталы обратно не успели. Вы быстро... – Слуга посмотрел на Литу и Юорию, и Лита заметила сочувствие на его иссеченном шрамами лице. – ...отправили их в покой.

Он швырнул воительницу к ногам герцога, она тут же вскочила, вытаскивая кинжал, и бросилась на него, целясь лезвием в горло. Даор неуловимо ушел от ее удара, не поднимаясь с кресла, и миг спустя кисть девушки, державшая клинок, уже лежала на полу. Ее обладательница тихо завывала, баюкая кровоточащую культю. Даор спокойно посмотрел на

кровь, залившую белые плиты, и рана девушки заросла кожей, а она уставилась на него ничего не понимающими глазами. Лита лишь краем глаза успела заметить острую воздушную сеть, сплетенную братом, и теперь боялась поднимать глаза от пола.

– Замолкни, – коротко обратился к пленнице герцог, а после снова повернулся к сестре. – Нет, Лита, в этом письме твое помилование. Сегодня же ты уберешься со своим щенком обратно в Скальный замок. Тебе не место здесь. И не место в моей семье.

Лита с надеждой подняла красные глаза.

– Вашей семье? – переспросила она. – Вы больше не считаете меня своей семьей?

– Ты – подстилка простака, и фамилии недостойна. В девочке нет ни капли магии. Возможно, она станет Карион, если окажется полезной мне. Воспитай ее так, чтобы она это понимала. Тебя я изгоняю.

– Спасибо, спасибо, спасибо, – шептала Лита, опускаясь на колени. Юория, не понимая страха матери, присела рядом с ней. Лита положила руку на спину девочки и с радостью почувствовала, как бьется ее сердце. Полная страха ненависть к брату сменилась рвущей душу благодарностью. Они будут жить! Пощадил!

– Отослал, – доложил вернувшийся Олеар. – Когда возвращался, увидел, что рухнул периметр защиты. Красный может уйти.

– Без дочери не уйдет, – пожал плечами герцог.

Даор встал из-за стола и направился к лежащей тихо, как мышка, девушке. Она зажимала искалеченную правую руку левой, тихо постанывая, и больше не делала попыток убежать.

– Кричи, – сказал ей Даор, наклоняясь.

– Ч-что?

– Кричи. Твой отец должен тебя услышать.

– Никогда! – гордо выплюнула воительница из последних сил.

Герцог помедлил всего несколько секунд. Лита, все еще не смеявшая встать, знала: он прикидывает, как быстрее добиться желаемого. Он мог бы, как иногда делал, нежно погладить девушку по лицу, заставляя забыть о причиненной ей боли, заглянуть ей в глаза, обещая что-то большее, чем все, что было в ее жизни раньше – и она, как и сотни других до нее, рассказала бы ему все, что он хотел знать. Но ему не нужны были сведения или верность, а значит, Даор поступит иначе.

– Сфатион Теренер, твоя дочь у меня, – наполнил замок негромкий голос Даора Кариона. – Выйди сам, пока она жива.

Эхом его голос пронесся по разрушенным галереям и потерялся в холодном воздухе. Лита не сомневалась: его было слышно в каждом домике прислуги, каждой кухне, каждом обваленном закутке. Даор дождался, пока отголоски затихнут.

Девушку подкинуло в воздух, как пушинку, и что-то в ней хрустнуло, ноги вытянулись под неестественным углом. Она заорала так громко, что Лита закрыла Юории уши, прижав девочку лицом к своему пышному платью, чтобы она не видела происходящего. Всего за минуту крик истощил воительницу, и когда она тряпичной куклой рухнула на пол, горло ее сипело в предсмертной агонии. Глаза Литы наполнились слезами. Ей не нужно было видеть лицо брата, чтобы удостовериться, что оно спокойно-заинтересованное. С таким выражением лица он обычно ждал, что добыча сама забежит в расставленные им сети.

– Пришел, – спустя всего минуту отчитался притащивший девушку воин, приоткрывая дверь. – Без оружия. Хочет поговорить. Впустить?

Даор кивнул. Садиться он, впрочем, в этот раз не стал.

Двое под руки ввели высокого седовласого мужчину, поверх бурого колета которого была намотана широкая красная лента, напомнившая Лите перевязь. Пленник бросил взгляд на тело дочери, и губы его задрожали.

– Будь ты проклят, Карион! – взревел он, вырываясь. – За что? За что? Я же здесь!

– Кто-то должен нести правосудие, – равнодушно пожал плечами черный герцог, но Лита заметила в его глазах искры ликования. – От имени императора.

Седовласый подбежал к дочери. Лита еле сдержала стон, когда он приподнял ее голову и заглянул в ее глаза, просяще

шевелия губами. Лита представила себе, какая мука, должно быть, сковывает его сердце, и закусила губу, чтобы промолчать.

Даор не стал останавливать красного герцога, равнодушно наблюдая за отцовским отчаянием.

– Она все равно должна была умереть, – спокойно сказал он. – Как и ты. Как и вы все. За то, что сделали с белыми герцогами.

– Но ты... – мужчина еле сдерживал рыдания. Глаза его горели ненавистью. Он бросился на черного герцога, и Даор отступил с его пути, инерцией мужчину развернуло, и он ударился о подсвечник. Покатались свечи. – Ты ведь знал... Ты не был против... Я спрашивал тебя, будь ты проклят, ты и вся твоя семья!

– Сфатион Теренер, за чудовищное, – Даор усмехнулся так, что Юория, увидевшая оскал лишь краем глаза, бросилась в объятия мамы, – убийство знатной семьи я приговариваю тебя и всех твоих подельников к смерти. Прими ее по возможности достойно.

– Я заберу тебя с собой! Сражайся, сразись со мной, не используя твоих заговоров, что ты можешь, если не одолеешь старика! – Сфатион потянулся к мечу над одним из каминов, и герцог снова не стал препятствовать ему, сделав и своим воинам знак не мешать. – Ты никто без...

Мгновенный, точечный удар тонким лезвием в горло прервал его проклятия, и Сфатион рухнул рядом с дочерью, пу-

стыми глазами встретившись с ее остекленевшим взглядом. Герцог Даор Карион отбросил окровавленный меч как безделушку и повернулся к обнимавшимся Лите и Юории.

– Ты еще здесь, – ровно сказал он. Дыхание его не сбилось. Лита готова была поклясться, что и пульс не поднялся.

– Вы не позволяли мне уйти, – отозвалась Лита, глядя, как красная лужа подбирается к синему атласу ее платья. – Юория отойди, – прошептала она девочке, зачарованно глядевшей на черного герцога.

– Дозволяю.

Он обошел и ее, и Юорию, больше не удостаивая их взглядом. Лита от облегчения разрыдалась, а Юория неуверенно подергала маму за рукав.

– Мама, а можно мы позовем его на мой день рождения?

АЛАНА

– Мама говорит, ты не выходишь замуж, потому что ты странная, – сказал Улан заносчиво. – Хотя вообще-то тебе давно пора.

«Какой все-таки избалованный мальчишка! – устало подумала Алана, внешне ничем не выдав своего раздражения. – Это все его мать. Воспитывает его так, будто он император, ну или сын черного герцога, не меньше».

– Так и есть, – согласилась девушка, листая страницы. – Мне уже двадцать девять лет, мои дети могли бы быть твоего возраста. Но знаешь, чем хорошо не быть именитой? Я

могу быть странной, могу не хотеть замуж, могу не выходить. Большинство знатных семей связываются династическими браками. Вот ты со временем вырастешь и женишься на знатной леди. – Тут Алана немного лукавила: мастер Оливер, сам выбравший в жены простачку без имени, вряд ли осудит выбор сына, если тот полюбит кого-то из прислуги или деревенских. Тем не менее, она продолжила: – Вот мы не знаем, любит ли Юория Карион Вестера Вертерхарда, и спросил ли ее мнения об этом черный герцог. Мы не знаем, хотел ли Вестер жениться на Юории, или же его заставили. Но что мы сегодня узнали точно, так это то, что каким бы сильным ни был Вертерхард, своим браком он подарил черным контроль над своими землями.

– Как ты это поняла? – протянул чуть заинтересовавшийся Улан. – Он же мужчина! Может, он забрал себе ее земли!

– Помнишь, что мы читали о Карионах на той неделе? – Алана привычно и терпеливо открыла страницу, над виньеткой которой был изображен герб с черным вороном. – У нее есть старший родственник, дядя. Всеми Черными землями, а они огромные, больше Зеленых раз в десять! – она широко развела руки, – распоряжается он. А как я поняла – ты мне скажи.

Улан неохотно уставился на схему.

– А почему он вообще вписан на эту страницу? Почему не... – Он с интересом пролистнул вперед, до родословной страницы белых герцогов. – Тут Юории нет. А его имя вооб-

ще отдельно. А почему ее сюда не написали? Маму написали на страницу папы!

«Объясни ему, что такое родовая книга, ему уже пора это знать, – сказал ей мастер Оливер утром. – И заодно расскажи, что означает новая запись». Хорошо же объяснять то, что сама понимаешь не до конца!

– Мы узнаем это позже, я уверена, – вздохнула Алана. – Может, он просто не внес пока изменений в свою родовую книгу, а Карионы – внесли?

– Я думал, все происходит одновременно, – недовольно протянул Улан, снова теряя интерес. – Папа говорит, что все слова появляются одновременно.

– Так и есть. Родовые книги – артефакты, хранящиеся только в знатных семьях. Твоей семье родовую книгу пожаловал сам император, когда Голденеры получили свое имя, и с тех пор этот том связан с остальными. Но внести изменения ты можешь только на свою страницу, и если герцог Вертерхард ничего не написал у себя...

– То и тут ничего нет, понял я. То есть я могу что-то написать на нашей странице? – оживился Улан, перебивая Алану. – Или даже нарисовать, и это у всех появится?

Алана содрогнулась, представив, что мог бы изобразить избалованный десятилетний мальчишка со всей своей детской непосредственностью. А потом еле проглотила зарождающийся хохот, когда представила, как какой-нибудь воинственный красный герцог с серьезным лицом открывает

страницу Голденеров, а оттуда на него смотрит...

И все-таки дело принимало плохой оборот. Нужно будет обязательно рассказать об этом мастеру Оливеру, чтобы спрятал книгу: любой, в ком текла кровь знатной семьи, мог что угодно начертать на страницы с фамилией своего рода, и Улан исключением не был. Нужно было срочно перевести тему.

– Хочешь, покажу кое-что интересное? – Алана хитро улыбнулась. – Видел когда-нибудь, как бывают защищены такие артефакты?

– Неа. Ее что, сжечь нельзя?

– Не стоит, – прохладно ответила Алана, жалея, что у Флоры не было обыкновения шлепать своего старшего сына за подобные идеи, и мальчишка регулярно что-нибудь поджигал. – Но зато...

Она достала чернильницу и перо и занесла руку над зеленой страницей Голденеров, прямо над кругом Улана. А затем, обмакнув перо в чернила, размашисто дорисовала вокруг его имени кривую ромашку.

– Эй! – закричал Улан, нависнув над столом. – Ну ты и противная, ду... – он остановился на полуслове. – Ха! Вот так тебе! – засмеялся он, когда желтоватая кожа втянула в себя чернила так, будто и не было никогда их на пористой поверхности. Он перевернул страницу и убедился, что чернила не протекли насквозь. – Это обалдеть! А можно я что-нибудь нарисую? Я на нашей не буду, честно! Ну пожалуйста!

Ты самая-самая любимая моя служанка будешь, если разрешишь, правда-правда, я отцу ничего не скажу! – канючил он.

Как короток путь к детскому сердцу!

– Это будет наш секрет?

– Да!

Улан открыл бледную страницу Вертерхардов, с ликованием взял в руки перо... Алана закусил губы, чтобы не рассмеяться в голос, глядя, как артефакт впитывает пошлые каракули вокруг имен Пармиса и Юджии Вертерхардов. За дверью раздались тяжелые и неспешные шаги мастера Оливера, и Алана и Улан, переглянувшись, замерли. Алана отобрала у мальчика перо.

Капля чернил сорвалась с заостренного кончика и расплзлась неаккуратной кляксой в уголке белой страницы, совсем рядом с украшенной вензелем буквой В. Алана спешно захлопнула книгу, не успев увидеть, как пропадают чернила, и в этот момент мастер Оливер уверенным движением распахнул дверь в библиотеку. Улан еле сдерживался, что не осталось незамеченным его отцом, который, внимательно посмотрев на покрасневшую Алану, подмигнул сыну. Он отправил Улана во двор, крепко обняв его напоследок, для чего громадному как медведь мужчине пришлось присесть на колено.

– Ну и что этот шельмец тут хохотал? – весело осведомился он у Аланы. – Балуется?

– Мастер Оливер, не знаю, как вам и сказать... Но вы бы

держали книгу от него подальше. Боюсь, мне удалось донести до него особенности действия артефакта, но не серьезность использования. Иначе говоря...

– Иначе говоря, – подхватил мастер Оливер, неторопливо распрямляясь, – он хочет написать на нашей странице какую-нибудь непристойность. Сам таким был, – ухмыльнулся он в бороду. – Поговорю с ним. Ты тут вряд ли его переубедишь, как бы ни старалась. Он никого почти не слушает. Это моя задача. Твоя – искать к нему подход и вбивать в его голову хоть что-то полезное. И ты отлично справляешься.

Алана в который раз поблагодарила Свет за то, что ей были посланы именно такие хозяева. Она с поклоном передала книгу мастеру Оливеру, улыбаясь себе под нос.

– И кланяться мне тут брось, надумала, – прогудел герцог, забирая фолиант из ее рук. – Знаю, Флора вас так учит. Вот ей и кланяйтесь! А мне не надо, придумали глупостей. Ну и как потом требовать, чтобы Улан тебя уважал, да и других тоже?

Уже после того, как Алана ушла, этот высокий, полный, пышущий здоровьем мужчина продолжал довольно улыбаться себе под нос: хорошо поладила мечтательная девушка с сыном! Всего за два месяца привила ему любовь к чтению! Как ни крути, молодец она, мальчишка теперь все время об их уроках говорит, все-то ему интересно стало. Оливер неторопливо провел пальцами по шершавой коже, перепле-

тенной серебром – вот здесь, в уголке вензеля, за умелыми штрихами его матери была скрыта нарисованная им когда-то птичка с маленькими крыльями и очень большими частями, которых у птиц быть не могло. Мама тогда ужасно разозлилась и отшлепала его при слугах, но он ни капли не раскаялся. Оливер листал книгу, не задумываясь, от конца к началу: плотно исписанная красная страница, лишь наполовину заполненная желтая, синяя с неровными и нервными штрихами и разномастными буквами, заполненная снизу вверх пурпурная, почти голая серая, коричневая, зачирканная мелким почерком лишь на четверть, белая – его взгляд ненадолго задержался на неровной кляксе у витиеватой красной буквы древней фамилии – и, наконец, черная страница, на которой имен было не больше десятка.

ОЛЕАР

– Мне не нужно там присутствовать? – осторожно спросил Олеар у черного герцога, своего наставника и господина. – Вы говорили, что Юория может поступать необдуманно, когда одна.

Дождь стучал по высоким стеклам пламенеющих стрельчатых окон кабинета. В камине, выложенном цимофаном и оттого казавшемся чуждым на фоне гладких обсидиановых стен, потрескивали поленья. Блики огня переливались на поверхности серых камней, и на пламя в этом отражении было смотреть одновременно жутко и уютно. Кроме плясавше-

го на дереве пламени кабинет озарялся лишь белой сферой где-то наверху, и хотя от стола до светящегося шара было не меньше шестнадцати футов, до потолка мягкие лучи не добирались, так он был высок, и казалось, что крышей помещению служило чернильно-черное небо.

Даор Карион сидел за простым дубовым столом и неспешно изучал письмо. Олеар обратил внимание, что раз в несколько секунд герцог проводил над кожаным листом рукой. Очевидно, присланное ему послание было защищено с помощью магии. Орнамент по краю было сложно опознать, но Олеар не раз видел его на письмах красных герцогов и их приближенных. Руны, наложенные шепчущими, были похожи на пересечения случайных линий, начирканных в разных направлениях, но от них исходило знакомое напряжение.

– Моя племянница вздорна и имеет склонность увлекаться, – согласился герцог. – Однако вряд ли ей хватит глупости нарушить прямой мой приказ. На празднике будут присутствовать как двое сыновей старшего Теренера, так и ненавидящий их кузен, недавно вернувшийся из Приюта Тайного знания. Во время их стычки все трое погибнут, оставив Красные земли без наследников мужского пола. – Он говорил размеренно, не прерывая чтения. – Любвеобильный красный герцог будет вынужден реализовать свою последнюю дочь, ища поддержки в спровоцированном им военном конфликте. К тому же ему придется доказывать, что он не пытался вновь напасть на нашу семью, теперь в лице Юории

и Вестера. Так что его выбор падет на брата герцога Синих земель, нашего открытого союзника.

– Почему? – спросил Олеар, стыдясь, что не понимает.

– Потому что я не оставил ему выбора, – ответил герцог просто. – Тебе не нужно там быть.

Когда он поднял лучащиеся тьмой глаза от письма, Олеар с благоговением увидел, что герцог улыбается, и немного расслабился. Рядом с Даором Карионом он всегда чувствовал себя мальчишкой на экзамене. И чем дольше наблюдал за его выверенными действиями, тем больше смирялся со своей ролью.

Уже почти сорок лет Олеар с почтением звал черного герцога учителем, впитывая каждую каплю знания, которое ему давалось не всегда легко. Даор не называл Олеара учеником, однако не раз подчеркивал, что ценит его лояльность и рассчитывает на нее в будущем. Он оттачивал разум и навыки Олеара – так кузнец превращает металлическую заготовку в лезвие – и как бы обманчиво мягок с Олеаром он ни был, тот всегда помнил, что оружие затачивают, чтобы оно послужило в битве. Но пока сражаться не приходилось. Олеар с готовностью выполнял крупные и мелкие поручения, принимал участие в его политических играх, передавал волю черного герцога слугам и в глазах окружавших семью Карион подхалимов занимал то единственное лакомое место, которое они все хотели получить: место его правой руки. На самом деле никакой правой рукой герцога Даора Олеар, конеч-

но, не был. Олеар не знал, чего именно потребует от него Даор однажды, и лишь надеялся, что его жизнь и сила шепчущего не понадобятся господину. А душа... Душа его и так давно принадлежала Даору. С тех самых пор, как черный герцог спас его во время сложного и смертельного ритуала, выкупив у демонов вечного хлада. Олеар тогда только отслужил положенные пятьдесят лет в Приюте Тайного знания и, опьяненный своим новым положением и мечтая о небывалой силе, углубился в одну из запретных областей магического знания. И погиб бы, мня себя великим ритуалистом, если бы не появившийся рядом Даор Карион. Олеар не знал, как именно черному герцогу удалось справиться с призванными им иномирными чудовищами, но о долге не забывал ни на секунду. Благоговейно вспоминая, как тьма окутала Даора вместе со всеми демонами, и как она рассеялась, оставив у алтаря лишь герцога, Олеар уверялся, что не избежит уготованной ему Даором Карионом участи.

Впрочем, не виси над ним меч долга и имей он возможность уйти... Ничего бы не поменялось. Ему нравилось жить в Обсидиановом замке, нравилось становиться сильнее, нравилось быть в курсе происходящего во всех девяти землях. Но больше всего Олеару нравилось, что иногда Даор объяснял ему – ему единственному, возможно, на свете! – мотивы своих решений, таким образом приближая ученика к себе.

За все годы, проведенные в Обсидиановом замке, Олеару так и не удалось увидеть привязанности своего хозяина к

любому другому живому существу. Герцог говорил о своей семье, только лишь когда они становились пешками в его играх, и ни разу Олеар не находил в его планах заботы ни о уже покойной троюродной сестре герцога Лите, ни о ее дочери Юории. Возлюбленных у герцога не было, даже само предположение о таком казалось смешным. Любовницы тоже никогда не появлялись в Обсидиановом замке. Однажды Олеар спросил Даора, почему тот не приводит никого в свои покои, и ответный взгляд был таким красноречивым, что Олеар мигом ощутил себя нашкодившей и безмозглой собакой и заткнулся, пока не опозорился еще какой-нибудь глупостью.

И все же он решился спросить о женщине, судьба которой была ему самому не безразлична.

– А леди Юория не пострадает?

– Недавно я подарил ей довольно дорогого сторожевого пса, – отозвался герцог. И чуть помедлив, объяснил: – Она вышла замуж за сильного шепчущего, последнего Вертерхарда. Тебе не стоит переживать об этом.

АЛАНА

– Мама, я сегодня проходила с Уланом родовые книги, – начала Алана разговор за ужином. – И увидела кое-что странное. Помнишь, ты говорила, что род белых господ прервался двадцать восемь лет назад? Что красные вырезали всю их семью, что не осталось наследников. И потом белые

земли сделали нейтральными и разделили.

Вила, крупная темноволосая женщина средних лет, кивнула. Они с Аланой совсем не были похожи: девушка, невысокая, русоволосая, смотрелась рядом со своей приемной матерью бледно и мелко.

– Да, так и было, – ответила Вила.

– Сегодня появилась запись о браке Вестера Вертерхарда и Юории Карион.

Вила застыла.

– Что? Не было никакого Вестера. Я бы знала. Сколько ему лет?

– Не знаю, в родовых книгах не пишут дат. Его линия не соединена с другими именами.

– Значит, он бастард? Только чей...

– А мы не должны... Связаться как-то с ним? Не знаю, рассказать ему что-нибудь из того, что тогда случилось? Не должны ли мы теперь ему служить?

Алана опасалась, что мать скажет, что им пора писать письма и собираться в дорогу, но Вила покачала головой:

– Нет. Не верю. Я сама, своими глазами видела их всех. Каждого. Всех мертвыми. Не осталось никого. Герцог Даор Карион – величайший артефактолог Империи. Может быть он нашел способ обмануть книги. Не будем высовываться.

Уже глубокой ночью Алана вертелась, не в силах заснуть. Ей казалось, что произошло что-то значительное, и что это

как-то касается ее. Она проваливалась в сон, снова проживая рассказ Вилы об ужасных событиях почти тридцатилетней давности, и снова просыпалась, будто выдернутая призрачной сетью на поверхность. Сердце колотилось в горле и на кончиках пальцев, дыхание никак не успокаивалось.

«Тебе был всего годик, а мне только исполнилось шестнадцать, – шептала Вила дочке, пока Лас, приемный отец Аланы, спал. В глазах Вилы стояли слезы. – Я прислуживала на кухне, помогала матери, как ты помогаешь мне. Но там была совсем другая кухня. У герцогов Вертерхардов был громадный замок, высокие белые стены, острые башни, сотни комнат... Такой красивый! Таких больше нет. Он был как будто из мира Света. Стены переливались перламутром, камень дышал, я любила прислоняться щекой к кладке – и ощущать ответное тепло. Теплые камни, даже ночью, представляешь? О них можно было греться в морозы. Я знаю, они специально так сделали, чтобы никто не мерз. Их очень любили. Никто и никогда не предал бы их.

Все произошло так быстро. Я до сих пор не понимаю. Я была в подвале, когда все началось. Камни содрогнулись, будто кто-то из-под земли ударил в фундамент, а потом еще и еще. Но стены устояли, только вибрировали, как колокол, и это гул был таким невыносимым, что мы все попадали на землю, закрыли уши руками. А когда звук прекратился, многие остались лежать без сознания. А я выбежала посмотреть, что происходит. И во внутреннем дворе увидела... их. Они

лежали на снегу, кровь была у них на лицах, тянулась сразу из глаз, носа, ушей и рта... Такие жуткие красные ручейки. И их дети были мертвы, все до одного, все пятеро. Там же, рядом, прямо посреди клумбы, будто кто-то выложил их аккуратно, по росту. Вокруг никого не было. Они не дышали, и к ним было очень страшно подходить. Я побежала в галерею, где должна была убирать лавки моя мама... Она тоже... – Вила рыдала. – И другие слуги, которые убирались там, тоже... И никого. А потом я услышала крик ребенка. Я нашла тебя в снегу, кто-то закопал тебя вместе с люлькой. Твоя мама... она была очень доброй и хорошей женщиной. Она много раз помогала мне. Я боялась, что меня найдут, но не могла тебя там оставить. Никто за нами не гнался: после исчезновения белой семьи, до безымянных слуг никому не было дела, но я все равно бежала, не останавливаясь. Черные искали виноватых, они покарали красных. Я думала, черные решат, что и я к чему-то причастна, раз смогла выжить, и заберут меня, а ты погибнешь от голода. Было очень холодно, я останавливалась на ночлег в хлевах, пока не добралась до Желтых земель. Ты представляешь, какие морозы стоят зимой на севере? Я думала, мы замерзнем до смерти. Но этот амулет, – Вила показывала Алане на спрятанный у сердца приемной дочери серебряный змеевидный крест, – он сохранил тебе жизнь».

И родная мать Аланы, и Вила – обе они были служанка-

ми Вертерхардов. Верность хозяевам – великая добродетель, служение им до конца – единственный выбор. Так всегда говорила мама. Не значило ли это, что теперь придется покинуть уютные Зеленые земли, приютившие, подарившие кров и новую, единственную, жизнь? Алана с трудом могла себе представить, как могла бы она бросить мастера Оливера, его непутевых детей и даже капризную Флору. И уж тем более, как она сможет жить без друзей, без меланхоличного, но такого чуткого Вэла, без неунывающей Виары.

«Ни на что не променяю мою жизнь!» – любила она восклицать даже в моменты печали, напоминая себе, что живет счастливо и свободно, в теплой семье, занимаясь любимым делом. Вэл грезил возможностью оказаться среди шепчущих и открыть в себе тайное предназначение, уже замужняя Виара все еще втайне мечтала выйти за именитого и стать частью древней семьи, но Алана просто хотела оставаться на своем месте и продолжать делать то, что делала.

Со смущением она вспоминала, что ребенком, еще до рассказа Вилы о резне в белом замке, тоже мечтала оказаться именитой, а не Аланой, дочерью Ласа. Тогда она считала шепчущих и именитых почти богами, живущими какой-то другой, высокой и неземной жизнью, и по крупницам, как драгоценность, собирала информацию о великих семьях. Маркизы, бароны, и особенно герцоги были другими, совсем не как безымянные, даже не как трехсотлетние Голденеры. Они вели свои фамилии тысячелетиями и тщательно оберегали

родовые секреты. Истории об их деяниях иногда встречались в описаниях политических ходов, имена мелькали в записях о переходе именной женщины из одной семьи в другую.

Ви́ла приносила домой книги из деревенской библиотеки при школе, а потом журила дочь за то, что та жжет свечи по ночам.

Деревенские шутили над Аланой, зная о ее любви к чтению: пообещав ей книжку или на худой конец интересную историю, девочку можно было заинтересовать хоть щипанием перьев на подушки, хоть покраской заборов смолой, чем взрослые без смущения пользовались, пока Алане не повезло по-крупному и она впервые не набралась мужества, чтобы проникнуть в библиотеку Голденеров. «Большая книга правдивых сказаний» так захватила ее, что она зазевалась и забыла об осторожности, и мастер Оливер застал уткнувшуюся в старые страницы девочку прямо в собственном кресле. Но ничего не сказал, только лукаво покачал головой и шикнул как на кошку. Потом Алана не раз замечала, что вечером он оставляет дверь в библиотеку приоткрытой. Это было тайным знаком: Флора, его жена, уже спит, можно не бояться, что она погонит дочку кухарки прочь, и читать хоть до утра.

И Алана пропадала в библиотеке ночами, на что и Лас, и Ви́ла мудро закрывали глаза. Лас обычно посмеивался в усы, будя засыпавшую за взбиванием масла дочку, и говорил, что Алана живет не своей жизнью. Ви́ла же вступалась за Алану, и развивалась настоящая словесная баталия, темой которой

становилась чрезмерная любовь ребенка к чтению. «Ты бы перестала бежать, – доказывал Лас. – Тебе что, твоя жизнь не нравится?»

Но отец был не прав: Алане нравилась ее жизнь. Когда ей исполнилось двадцать, и пора было ехать на ярмарку невест, Вила спросила у нее, какую семью девочка хочет создать и сколько детей родить. Алане тогда нравился Вэл, но он был влюблен в симпатичную дочку кузнеца, и Алана гордо ответила матери, что пока замуж выходить не хочет, и, приведя в пример обычаи Синих земель, где женщины выбирали свою судьбу самостоятельно и могли никогда не связываться узами брака, и Желтых, где семьи образовывались чаще всего очень поздно, уведомила родителей, что раньше тридцати о замужестве и думать не будет, ни на какую ярмарку не поедет ни сейчас, ни на следующий год. Алана лукавила, не говоря маме всей правды: ей, выросшей на историях возвышенных рыцарей и прекрасных дам, на сказаниях о подвигах и рассуждениях мыслителей, было сложно представить своим мужем кого-то из простых деревенских парней – охочих до выпивки и карт, краснолицых, смешливых, малообразованных добряков. И когда уже и Виара вышла замуж, а Вэл женился и овдовел в течение года, Алана окончательно уверилась, что ей нет места в привычном деревенском матримониальном укладе. Она радовалась, что жила не в самой деревне, а в поместье: здесь ее чуждость привычному не так бросалась в глаза.

«Ты наша желто-синяя, – смеялись Ви́ла и Лас в унисон. – Ну ладно, не заставляй же». Однако женщины из деревни были другого мнения, и когда Алана появлялась на рынке с матерью, всячески намекали обеим, что девушке стоило бы уже задуматься о продолжении рода. «Нечего цвести впустую, с этими книжками твоими, – добродушно говорила жена деревенского старосты. – Вот как ребеночка понюхаешь, так и самой захочется».

Когда мама справлялась с готовкой одна, другие слуги просили Алану посидеть то с одним ребенком, то с другим, на что девушка легко соглашалась, пусть и без особого удовольствия. Довольно быстро она поняла, что детей можно увлечь даже самыми простенькими историями, которых у нее всегда было полно. Алана учила их читать и сажала за книжки, поощряла выдумывание сказок. Мать часто оставляла ее с младшей сестрой Евой, и Алане не сложно было организовать игру не одному ребенку, а, скажем, троим. Дети представляли себя принцессами, знатными воинами и шепчущими, а Алана сидела рядом и занималась своими делами. Со временем она снискала славу безобидной и доброй ученой чудачки, деревенские женщины перестали перемывать ей кости, окончательно уверившись, что своеобразная девушка не хочет искать себе женихов, и перестали сватать ей своих подрастающих отпрысков.

Флора Голденер, нанявшая своим детям няньку из Синих земель, рассуждала, что любовь к знанию прививать нужно

правильно, но мастер Оливер, однажды услышав, как терпеливо дочка кухарки рассказывает его сыну о подвигах герцогов во время пятидесятилетней войны, и с удовольствием отметив, что Улан, размахивая палкой как мечом, представляет себя защитником императора, решил предложить Алане реализовать то, что у няньки из Синих земель никак не выходило. Алана была польщена доверием мастера Оливера и очень старалась его не подводить: к концу второй недели Улан уже знал и об устройстве Империи, и о странах континента, мог перечислить по именам всех правящих герцогов и цвета их земель. Улан выдавал эти знания отцу разрозненно и невпопад, но мастер Оливер видел, что избалованный паренек очень привязался к своей простой учительнице, и всячески подчеркивал ценность того, что делала Алана для его сына.

Да, Алане дочери Ласа нравилась ее жизнь. Мечты об именитых уступили место каждодневной приятной рутине. Теперь, разбираясь в интригах и ходах знатных семей, чтобы после рассказать о них Улану и пробудить в нем интерес к политике, она видела за фамилиями предательства и смерть. Ей было сложно объяснить Улану, что несмотря на наследный герцогский титул и возможную помощь шепчущих, его жизнь, которая могла бы быть долгой, может и прерваться, если те же красные герцоги решат, например, захватить Зеленые земли, как когда-то они пытались захватить Белые.

Алана молилась Свету о своих хозяевах.

***

– Да объявился какой-то внук или племянник троюродный, вроде как. Молодой, говорят, красивый, шибко важный, наверно, раз ему герцог Даор в жены леди Юорию не пожалел.

Имена Роза произнесла так тихо, как будто боялась, что великий черный герцог обрушится на нее со всем своим многочисленным черным войском, если узнает, что она поминает имя его всуе на солнечной и оживленной деревенской площади. Алана готова была держать пари, что простые деревенские видят его никак не меньше, чем темным прислужником, читающим мысли, раз на гербе его земель расправил крылья ворон, а не канарейка. Тогда как все говорило об обратном: обладая самой мощной армией в Империи, последние лет двадцать черный герцог приходил в разрушенные войной и склоками земли и наводил в них порядок.

– Алана, пойдём!

Мама была мрачнее тучи.

– Откуда Розе знать о таких вещах? – спросила Алана маму. – Почему все считают, что это их дело?

– Не говори, о чем не знаешь, – оборвала ее Вила, отдавая ей корзинку, от веса которой у Аланы заныли колени. – Все нас касается. У именитых все не как у нас, но наш мир полностью зависит от них и их дел. Лучше быть ко всему готовой, Алана. Сегодня многие знатные придут на день рож-

дения мастера Оливера. Красные герцоги Теренеры ожидают то же, а они никогда раньше не появлялись здесь, плохой это знак. Это будет сложный день и очень сложный вечер, родная.

Они ехали в тишине. Вила как-то странно смотрела на проплывающие мимо жаркие от урожая поля, не моргая. Солнце уже садилось, его теплые лучи золотили ее черные волосы, и закатные сполохи отражались в ее теплых карих глазах. Потом она опустила взгляд и сгорбилась, будто неприятные воспоминания нахлынули на нее с непреодолимой силой. Алана догадалась, что мать думает о красных, которым ей предстояло прислуживать на пиру, и представила, как руки ее, держащие серебряные блюда, будут дрожать от ненависти и бессильной злобы. Алана положила матери руку на плечо, и та подняла голову, будто вынырнула из омута.

– Алана, у меня есть просьба. Пожалуйста, проводи Еву к бабушке, она забыла там позавчера куклы, и все время плачет. Если ее плач услышат гости, это может не понравиться мастеру Оливеру и Флоре.

– Деревня далековато, – с сомнением протянула Алана. – Сегодня вернуться не получится, сумерки уже, туда бы дойти. Может, завтра утром? А сегодня помогу тебе с готовкой. Столько народу! Ты одна не справишься.

– Да мы все почти уже приготовили. Отдохни лучше, – настаивала Вила.

Она и представить не могла, что дочь, вопреки ее разрешению ничего не делать, вернется, чтобы хоть одним глазком глянуть на кружащихся в танце красивых герцогов и их изящных леди.

АЛАНА

Когда тем вечером Алана подошла к воротам, она уже знала, что что-то не так: дубовые кованые двери были распахнуты настежь, будто кто-то огромный толкнул их рукой величиной с гору. Одна из униженных артефактами створок, смыкавших периметр защиты, болталась лишь на верхней петле, упираясь углом в рыхлую черную землю.

«Успокойся, это ни о чем не говорит, – наивно сказала она себе, понимая, что это лишь самообман. – Может, что-то повредило двери».

Внутри свернулся клубок страха. Алана сунула руку под плащ и нащупала через ткань рубахи острый край маминого амулета, сжала его, успокаиваясь. Ей казалось, что дыхание было таким громким, что его могли слышать в деревне. Кровь стучала в ушах.

Постепенно морок ужаса отступил. Амулет согревал руку.

Алана прижалась к стене, чтобы и свет луны не мог ее достать, и скользнула за открытую и покалеченную створку, провела пальцами по холодным заклепкам: зачарованные узлы на пересечении металлических пластин были будто вырваны с корнем, и вместо касания причудливой серебряной

взяи она укололась об острые шипы-занозы. Стараясь держаться тени, прячась за кустами, девушка, пригнувшись, побежала к главному зданию, стараясь не шуметь. За стеклами зиял мрак. Огромные окна большого зала второго этажа издалека казались черными провалами. Флигели тоже выглядели нежилыми. Когда Алана подошла ближе, молясь Свету, чтобы все почему-то просто покинули имение, она увидела, что многие рамы выбиты, а об рваные края стекол сквозняк треплет занавески. Все двери были закрыты.

Стояла какая-то странная тишина. Не пели птицы, не пищали мыши. Алана поняла, что не слышит и собак, и, бросив взгляд на будки, похолодела: маленькие и большие, верные и всеми любимые питомцы лежали, не двигаясь. Алана не решилась подходить. Она не верила, что собаки уснули.

Тенью девушка скользнула к торцу левого флигеля: там слуги всегда оставляли дверь прикрытой, но не запертой, чтобы можно было быстро попасть в дом. Ручка легко поддавалась, и она очутилась внутри, но и внутри было так же тихо, как и снаружи. Алана бежала к комнатам родных и просила Свет помочь ей забрать их из этого вдруг ставшего мертвым дома; у печи, не останавливаясь, она подхватила прислоненный к косяку ухват и продолжила путь. Комнаты мамы и папы были пусты, кровать застелена, похоже, они не возвращались.

Каждый раз, заворачивая за угол, Алана поднимала ухват, и каждый раз за углом оказывалось пусто. Бесконечной ан-

филадой разворачивались перед ней темные, нетронутые, пустые и холодные комнаты слуг, потом – блестящие подсвечниками и зеркалами в лунном свете такие же будто остановившиеся во времени покои Голденеров. Будто кто-то разом потушил свет, задул камин и сменил тепло огня на осенний холод. Алана дрожала, дышалось рвано, как на морозе. Девушка никогда не сталкивалась с магией, но все вокруг дышало именно ей: темным и могущественным заклинанием.

Алана замерла у двери, ведущей к холлу у главной лестницы. Никогда еще ей не было так страшно, она убеждала, но не могла заставить себя открыть тяжелую дверь и подняться наверх – туда, где должен был быть праздник, где двумя часами ранее собрались хозяева и их гости, подносили напитки слуги, играли музыканты. Ей нужно было туда: вдруг кто-то остался наверху, кто-то, кому нужна помощь. Вдруг мама лежала там, среди застывших зеркал танцевального зала, и...

Прислонившись разгоряченным лбом к мерзлому дереву, Алана вспоминала все, что читала о шепчущих, и не могла припомнить в описаниях заговоров ничего похожего. Но что это, если не магия? Разве может быть так тихо и мертво в обычном доме?

Сверху, со второго этажа, донеслось что-то похожее на стук, какой издает глиняная посуда, упавшая на пол, а потом шорох и, кажется, человеческая речь. Это было так неожиданно, что сердце девушки пропустило несколько ударов, и

она неосознанно надавила на дверь лбом, отчего та немного приоткрылась, не оставив места сомнениям. В образовавшуюся щелочку Алана увидела кусок роскошной лестницы, ведущей на второй этаж. Перила в одном месте были проломлены, а рядом с ними лежал... Свет... Тело Марека, кучера, лежало рядом. Спина его была изогнута так, будто им ударили о перила как тряпичной игрушкой – и оставили, сломанного, валяться рядом. Руки мужчины сжимали дубину. Под ним расплзлось черное пятно, и ей показалось, что она слышит тяжелый смрадный запах.

Не открывая дверь шире, Алана присмотрелась к фреске над лестницей: по низу ее шли характерные для порталной стены трещины. Мастер Оливер очень дорожил этим изображением, он точно не разрешил бы открыть туда портал. Единственная порталная стена, укрепленная, как и полагается, располагалась у подножия лестницы и Алане видна не была.

Медленно и плавно она отворила дверь наполовину, спрятавшись за косяком. Дверь открылась тихо, без скрипа, и взору испуганной девушки предстали еще три следа от порталных окон, открытых в неположенных местах. Трещины, расходящиеся кругами, чернели и за лестницей, и у самой двери, у которой она стояла, и справа от основного входа. Сами порталы уже были закрыты, остались только эти спиралевидные сетки. Алана вдруг поняла, что не знает, насколько они глубоки, и может ли дом рухнуть только потому, что

трещины прорезают несущие стены.

Прямо во входную дверь было вбито кольцо из белого металла, чуждое этому прежде теплomu дому, чуть светящееся. Странно, но оно было единственным, вид чего успокоил Алану в этом наполненном смертью месте, и пока она держала на нем взгляд, чувствовала себя лучше. Девушка ступила в холл, чтобы оказаться к кольцу ближе, и тут же ноги погрузились в мокрый – она знала, не от воды – ковер. Перестала смотреть на дверь, чувствуя кровь на своих пальцах, и ужас вернулся. Тела Вэла-старшего и его сына, ее дорогого Вэла, ближайшего друга детства, выплыли на Алану из темноты, такими же поломанными и искореженными, как тело Марека. Кажется, она потеряла разум, бросившись к дорогому своему другу, она гладила его по голове и смотрела в открытые глаза, и спустя вечность, когда поняла, что делает и где, заставила себя отпустить его голову и встала на негнущихся ногах. Алана была опустошена и знала, что увидит дальше, понимала, что найдет выше. И, кажется, страх отпустил ее, потерявшись в горе, и оставалось только мерно передвигать ногами как во сне, минуя тела других слуг: вот вторая кухарка Лима, вот Лис, который лучше всех умел играть на звонких палочках. Они все были одеты празднично, в свои лучшие платья. У них был праздник.

Слезы застилали глаза. Алана боялась увидеть маму и папу, и Ви, и мастера Оливера – и точно знала, что найдет их.

«Наверно, мне стоит бежать», – подумала она отстраненно. Что-то внутри нее орало, что нужно попытаться оказаться отсюда как можно дальше, что произошедшее, этот кошмар именитых семей, это будто выдернутое из старинных преданий деяние, нереальное, непоправимое, уже уничтожило всю привычную реальность, и теперь не было разницы, поднимется она и умрет вместе со всеми или убежит.

И все же она не могла остановиться. Мамы с папой она не встретила, а значит, они должны быть... Выше? Живы? Алана шла наверх, задевая носками туфель мягкий влажный ковер. Вот ее длинная коса зацепилась за пилястру, и Алана дернула ее вперед, а после медленно обернулась: волосы запутались в руке Велы, держащей железные щипцы для мяса, и теперь тело, потревоженное, сползло вниз на несколько ступеней и распласталось ниже, как ветошь. Алана подняла свою косу на уровень глаз: кончик ее был тяжелым. Уронив волосы, она вгляделась в пальцы, которые тоже чернели в темноте.

«Вперед, – сказала она себе. Не стой».

Двери в главный зал также были небрежно приоткрыты. В проеме Алана увидела пару испуганных, расширившихся в неверии глаз – и инстинктивно отшатнулась прочь, а когда храбро сделала шаг вперед, всего миг спустя, зареванный и окровавленный Улан вырвался ей навстречу, чуть не сбив с ног. Руки его были связаны за спиной, он бежал, подволакивая ногу, почти скакал, и тоже не издавал ни звука, лишь

бешено вращал глазами, и в глазах его было столько мольбы! Двери захлопнулись за ним и его преследователем, красивым мужчиной в коричневом камзоле, под которым явно виднелись металлические пластины. В руках мужчина держал обнаженный меч, и Алана знала, что лезвие было покрыто той же черной в свете луны субстанцией, что и все вокруг. Не отдавая себе отчета, видя лишь страдающего ребенка на грани смерти, девушка подняла ухват и со всей силы обрушила его на спину убийцы. Удар был таким сильным, что она задохнулась от боли в плечах и локтях, отдачей ее швырнуло с лестницы вниз, на первый этаж, и она, обрушив на полпути спиной знамя с ящерицей, упала вниз, ударившись так, что больше не могла ни двигаться, ни дышать, ни кричать. Мужчина же осел на ступени и, сделав несколько кувырков, застыл где-то в середине лестницы, совсем рядом с Велой. Кажется, Улан прыгал по ступеням, и Алана на секунду успела поверить, что он останется жив.

Грудь жег мамин амулет. Пытаясь вдохнуть, Алана услышала, наконец, человеческий голос:

– Да что там? Да чтоб тебя, Корм, ты что, споткнулся что ли? Ну ладно, – протянул голос куда противнее, – ну что ты, обмарался, герцовничек? Хоть бы кто из вас смерть достойно принял, тоже мне, именитые.

– Алана! Пожа... – закричал было Улан, но отвратительный свист, будто кто-то разрезал шелковое полотно, прекратил его крик.

– Что случилось? – еще один голос сверху, в этот раз женский, настолько холодный и жуткий, что Алане он показался не совсем человеческим.

– Все сделано, леди Юория. Мертв, как и остальные. Все их поганое семейство.

– Кого он звал? Тут кто-то еще есть?

– Ю, никого здесь не может быть, семейный слепок не пропустил бы, – ответил, судя по голосу, молодой мужчина. – Сомневаешься в моих артефактах?

Алана натянула на себя ткань, пытаясь скрыться, и потеряла сознание.

ЮОРИЯ

– Ю, – ласково сказал Вестер, беря свою госпожу за руку. – Уйдем?

Леди Юория осмотрела полный тел мрачный зал и усмехнулась: тут были не только красные герцоги и двое старших их сыновей, о которых так волновался дядя. Она выполнила и перевыполнила план. Дядя будет рад, увидев, наконец, ее стратегическое мышление в деле. И конечно, он отметит, как хорошо она распоряжается его подарком.

Вестер, еще час назад одним заговором убивший почти всех на территории поместья, явно чувствовал себя не в своей тарелке. Юория про себя называла его полезным слабаком.

Таким был вкус победы. Запах триумфа мешался с запа-

хом крови и дерьма, тишина была оглушительнее фанфар. Юория не отказала себе в удовольствии: стараясь не наступать на лужи, прошла мимо развалившейся в резном деревянном кресле Флоры Голденер, переступила через кого-то из младших Теренеров, затем обошла лежащее лицом вниз тело какого-то щуплого желтого маркиза и остановилась перед массивной фигурой Оливера Голденера. Он умер, обнимая двух своих младших сыновей, будто мог защитить их своим отвратительным огромным телом. Голденеры. Страницу можно вырвать. Говорят, он был верен жене-простачке, а значит, никаких бастардов.

– Ю, – снова подал голос Вестер. – Хватит. Уйдем.

Она обернулась к нему, тонкая, статная, невыносимо прекрасная в свете луны, и улыбнулась холодящей кровью улыбкой. Юория знала, что в один миг ее образ затмил в глазах ее молодого мужа только что совершенное им массовое убийство, и что он не может оторвать взора от блика на черных шелковых волосах, свободно струящихся по высокой груди.

– Думаешь, я перестаралась?

– Герцог Даор... – Вестер сглотнул. – Говорил, что наша цель – Теренеры.

– Эта земля граничит с нашей, Вестер, – как дурачку объяснила она ему. – Ты понимаешь? И мы самые сильные здесь. А значит, император отдаст ее нам. Мне нужно только, чтобы ты поправил память оставшейся в живых прислуге – она будет нашим гарантом. Император должен быть уверен, что это

красные пытались расшириться на запад. Дядя хотел уничтожить их наследников, но я сделаю больше – я дискредитирую их всех. Как думаешь, что дальше будет с Красной землей, всеми этими отвратительными степями, и красным войском?

– Императорские шепчущие легко определяют влияние, – возразил ей Вестер.

Юория неторопливо присела рядом со связанной женщиной.

– Она, бедняжка, – убийственно нежно сказала Юория, глядя прямо Виле в глаза и погладив ее по щеке, – просто не доживет до того, чтобы предстать перед императором. Она сбежит, и, конечно, расскажет о преступлениях красных всем, кому сможет, а потом те, кому она рассказала, будут нашими свидетелями. Так ведь, Вила жена Ласа, предательница? У меня есть подарок за твое предательство: ты проживешь чуть дольше остальных.

Вила дернулась, пытаясь избежать прикосновения руки черной леди, и упала. Воздушный кляп, облепивший ее губы, изнутри покрылся кровью и слюной. Она мелко дышала и едва видимо извивалась, как выброшенная на берег рыба.

Юория распрямилась, с омерзением отодвинувшись от Вилы как от гигантского насекомого.

– Вестер, приди в себя. Сначала эти двое и их друг снаружи, – она кивнула на стражников у двери. – Не хмурься: я и так взяла самых худших. Один из них споткнулся о соб-

ственные ноги. Никто не должен этого помнить.

АЛАНА

Сквозь сомкнутые веки красными искрами пробивался солнечный свет. Алана инстинктивно зажмурилась сильнее и попыталась перевернуться на бок, спина и ребра тут же отозвались разрывающей болью, она охнула и открыла глаза. Весь груз произошедшего навалился на нее одним махом, прибавившись к боли. Дневное солнце ослепляло.

Алана машинально схватилась рукой за змеиный крест и почувствовала знакомое приятное тепло и впившуюся в ладонь острую грань. Прикрыв глаза, она сделала несколько вдохов.

Изба была незнакомой. У окна стояла Вила и смотрела наружу.

Если бы спина не болела так сильно, Алана бы, наверно, бросилась к маме и обняла ее до хруста. Но вместо этого она лишь дернулась сесть и снова повалилась на подушки с глухим стоном.

Вила обернулась. Глубокие складки залегли у рта, вокруг глаз, между бровями. Уголки губ скорбно были опущены вниз, что придавало обычно счастливому лицу незнакомый вид скорбной театральной маски. Алана бы не удивилась, если бы в черных как смоль волосах заметила седые пряди, но растрепанные волосы были грязными, спутавшимися, но все

еще темными.

Солнечный свет частично скрывал силуэт Вилы. Она обнимала себя руками, будто стараясь успокоиться.

– Мама?.. – спросила Алана как-то сразу обо всем, боясь назвать что-то конкретное.

– Ласа убили, – хрипло сказала Вила, поворачиваясь к окну. – Это были красные. С ними были шепчущие. Снова они. Почему они здесь? – Ее голос сорвался на всхлип. – Я не знаю, как они смогли попасть в поместье. Я спряталась в кладовой и выбралась, когда они ушли. Но как-то они узнали, что я была там, как, почему они не убили меня сразу? Мысли путаются... Вероятно, нас тоже убьют. Обоих. Меня точно. Тебя можно попробовать спасти: никто из них не знал, что ты была в имении вчера... И не знает. Я вытащила тебя после, очень тихо. Ты молодец. И амулет тебя скрыл.

– Нам нужно уезжать? – Алана постаралась собраться, отгоняя мысли о папе, переломанном, как Марек, выпотрошенном, как Вэл-старший. – Где Ева?

– Еву они забрали, чтобы я не убежала, – едва слышно ответила Вила, и Алана поняла, что истязало маму сильнее смерти папы. – Я пойду за ней сегодня, как только ты уедешь.

Алана не понимала, о чем она говорит. Она облизнула пересохшие губы и сказала:

– Я тебя не брошу. И Еву.

Вила подошла к кровати и села на краешек, положив дочери руку на лоб. Другой она протянула Алане стакан с во-

дой. В глазах ее были мука и нежность, и сердце девушки защемило.

– Девочка моя, знаю, ты ужасно упрямая, – ласково сказала она, и голос звенел от непролитых слез. – Для тебя есть выход. Есть одно... Я не рассказывала тебе. Я согласилась быть глазами и ушами герцога Даора в Приюте Тайного знания.

Это звучало как бред.

– Что? Это же какой-то бред. Вы не могли нигде встретиться... – Алана осеклась. – Мама, ты бредишь?

– Нет, я не помню... – тихо прошептала Вила. – Не помню, почему он обратился ко мне, вот странно, верно? Действительно звучит как бред, но это было, клянусь... – ее глаза бегали, лоб нахмурился. – Не помню, Алана! Не помню! Но он послал мне запрос от имени директора Приюта Келлфера. Вот, смотри, я... я не сошла с ума.

Алана взяла у матери помятый и чуть влажный свиток. И действительно, в руках ее лежало приглашение к работе по контракту на десять лет в Приюте Тайного знания. У имени Вилы, жены Ласа, красовалась печать, которую так хотел хоть раз в жизни увидеть Вэл: сапфирово-синие ключ и пламя.

Что бы ни творилось с мамой, приглашение, судя по всему, было настоящим.

– Тут написано: «со взрослыми членами семьи». Значит, мы едем вместе.

– Нет, – покачала головой Вила. – Ты едешь одна. Я иду за Евой.

– Я никуда тебя не отпущу! – возмутилась Алана, хватая мать за руку.

Вила удивлённо моргнула.

– Что?

– Ты идёшь на смерть. Я не пускаю тебя! Папы нет. Голденеры мертвы. Хотя бы поэтому, прошу, не иди. Остайся со мной. У меня сломаны ребра и спина. Я и двигаться не могу, я умру, если ты уйдешь. Они поймут, что я была там и что я видела и слышала, рано или поздно узнают, и тогда они убьют и меня. Без тебя я умру, слышишь. Не уходи.

Конечно, Алана любила сестру. Конечно, была готова сама вызволять ее, отдать за нее жизнь, если потребуется. Но сейчас, здесь, в опасности была Вила, и нужно было спасти ее любыми средствами. Алана слишком хорошо понимала, что то, отпустят Еву или нет, вообще не зависело от появления Вилы. Не приди она – не было никакого смысла убивать девочку, а приди – не было смысла девочку не убивать.

И кроме того, Ева могла быть уже мертва.

– Я не буду обсуждать это с тобой, – твердо ответила Вила. – Решать мне. Ты отправляешься в Фортц, а я делаю то, что считаю нужным.

– Не поеду одна, – упрямо повторила Алана. – Только с тобой.

Вила встала и подошла к двери, прислушиваясь: за дверью тишину разрывал лай собак и голоса. Кто-то четырежды коротко постучал в дверь. Вила вздрогнула, потом как очнулась, вытащила откуда-то большой заплечный мешок.

– Алана, послушай внимательно, – заговорила она спешно, что-то уминая в нем. – Вот сюда кладу приказ о переводе. Тебя будут звать моим именем. Вила, жена... вдова Ласа. Поняла? Скажешь, что твоя дочь и твой муж умерли от лихорадки совсем недавно, если спросят. Вряд ли спросят... Точно не будут проверять.

В дверь постучали еще раз, и мама затараторила еще быстрее.

– Своего имени никому не открывай. Никто проверять не будет, им плевать, не давай повода себя заподозрить. Просто скажи, что ты – это я. Дорогу обратно забудь, что бы тебе ни говорили и ни писали обо мне и Еве! Узнаю, что за нами пошла, и с того света прокляну!

Щеки Вилы горели лихорадочным румянцем.

– Мама... – попыталась Алана прервать ее, но Вила лишь повысила тон.

– Если тебя захотят найти – укройся в Приюте, попробуй с кем-нибудь подружиться, сделай для этого все, что нужно! Тебя быстро вылечат, это совсем не сложно для них, не бойся. Не снимай амулет без сильных шепчущих рядом, ты знаешь, он хранит тебе жизнь, ты не представляешь, как это важно! Слушай меня! Слушай! Можно его снять только при

директоре Си...

Глаза Аланы предательски закрывались. Промелькнула мысль, что мама добавила в воду пёстрый корень. Алана проклинала себя и за то, что пила, и за то, что такая предсказуемая, она хватала маму руки и пыталась не засыпать.

Мама легонько похлопала Алану по щеке.

– Слушай! Слушай! Не доверяй никому! Никому не рассказывай истории, что я рассказывала тебе о резне в белом замке! Никогда! Ты всю жизнь жила в Зелёных землях. Забудь про белых и черных, и красных. Только зеленые. Ты уехала ещё до смерти Голденеров. Поняла? С тобой может связаться... герцог ... помогать ему... не называй...

Слова ее растворялись.

– Мама, зачем ты... – Алана хотела сказать, что зря мама опоила ее, но сбилась и закончила иначе. – Люблю тебя. Спасибо.

– И я люблю ... – донеслось издалека. – Вот Вида. Небольшое ... От боли ... спит ... заговор просто же ...

И странная речь, шипение змеи, то ли во сне, то ли наяву, согрела Алане бока и спину, когда она окончательно провалилась в крепкий сон, и ей наконец-то стало легко дышать.

АЛАНА

Первым, что Алана увидела, проснувшись, было чуть ли не самое красивое женское лицо, что она видела за всю свою

недолгую жизнь.

– Привет, привет, – солнечно улыбнулась девушка. На вид ей было не больше двадцати пяти, и она точно была не уроженкой Зелёных земель: таких, светловолосых и светлоглазых, тонких как тростинка, среди коренастых и темноволосых зеленоземельцев было не найти. – Просыпайся.

– Привет, – отозвалась Алана, оглядываясь. – Ты кто?

– Я – Хелки, послушница, второй год, – гордо ответила девушка, и тут же трогательно смутилась. – Я немного... накудила, теперь я со слугами свободное время провожу. Отвечаю вроде как за чистоту. Тебя же Ви́ла зовут? Тебя Балгар зовет. Завхоз. Он сегодня не в духе, я ему объяснила, что ты спишь после травм и исцеления, а он велел тебя пнуть, если сама не просыпаешься... На самом деле, не такой он плохой, отличный мужик, просто строжит тут всех, это его дело.

Хелки продолжала и продолжала говорить, ее звонкий как колокольчик голос умиротворял. Алана была почти уверена, что теплый шепот, исцеливший ее раны накануне, принадлежал этой приятной шепчущей. Алана пошевелилась – спина не болела.

– Я далеко? То есть где? – Мысли немного путались.

– В Фортце, на территории Приюта, в западной...

– Тайного знания?! – перебила Алана.

– Ну да.

– Это так далеко... – выдохнула девушка, откидываясь назад на мягкую спинку. – Свет, как же далеко...

– Порталом все близко, – бодро отрапортовала Хелки.

– У тебя есть портал назад?

– Нет, конечно, – Хелки засмеялась, словно Алана сморозила какую-то глупость. – Портальных проемов мало, нам два дали всего – туда и обратно. А сама я создавать их не умею. Да и на территории Приюта нестабильный создать нельзя, не уверена, что даже кто-то из директоров может.

Мелькнувший было луч надежды испарился. За Черными землями, не меньше десяти дней пути! Что бы ни происходило с мамой, Алане было не успеть.

«Она любила меня, заботилась обо мне и хотела меня спрятать, таково было ее решение!» – напомнила себе Алана, но легче не стало.

ЮОРИЯ

Леди Юория нетерпеливо мерила комнату шагами. От высокого узкого окна – и до столбиков, держащих бархатный балдахин, двадцать семь шагов, и обратно. Дядя должен был прибыть уже вечером, а сказать ему было нечего – отчет о неудаче она бы предоставить не рискнула. Его короткое письмо было пропитано недовольством ее действиями, и женщина понимала: как только он узнает, что единственный возможный свидетель для императора как сквозь землю провалился, причем сделал это через портал, он отправит ее обратно в Скальный замок доживать оставшиеся годы среди неплодородных земель, угрюмых людей и крика чаек. Юо-

рию передернуло: то удаленное место было настоящей тюрьмой, и она скорее дала бы изрезать свое красивое лицо, чем снова оказалась бы запертой среди грубых стен.

Но герцог Даор Карион был беспощаден. Он не станет торговаться. Его голос, острый как клинок и мягкий как бархат, скажет ей убираться прочь – и тогда останется лишь последовать его приказу. Она представила, как сидит в корявых стенах и ждет вестей от дяди, и как он, более не заинтересованный в ней, не пишет. Умозрительное отчаяние было таким осязаемым, что Юория остановилась и присела на кровать в растерянности. Должен же быть какой-то другой выход!

Леди Юория повидала достаточно на своем недолгом веку. Еще когда она была совсем девчонкой и прибыла в замок дяди второй раз, уже без матери, он предложил ей следить за черноторговцами, занимавшимися незаконной торговлей, продажей рабов и контрабандой, на правах его глаз, и Юория, всегда стремившаяся представлять из себя больше, чем глупо оступившаяся Лита, с радостью согласилась. Деловая хватка Юории, возможно, не была слишком крепкой, и в политике она разбиралась не слишком хорошо, но благодаря родовому имени и страху глав банд перед черным герцогом, даже самые отчаянные и безумные бандиты относились к ней как к королеве. Довольно быстро Юория обзавелась целой сетью информаторов, не боясь вести дела и с худшими разбойниками, не признающими даже власти императора: и они, дрожа перед именем Карионов и охвачен-

ные жадной золота, тоже легко соглашались на любые ее задания. Даже среди привыкших к убийствам и пыткам бывалых бандитов Юория со временем снискала славу страшного человека: неуязвимая благодаря протекции дяди, она творила все, что хотела, отличаясь при этом неумеренностью в своей жестокости. Стоило кому-то проявить к ней хоть каплю неуважения, зачастую случайно, и она с легкостью мановения руки расправлялась с целыми семьями. Слава об этой легкости неслась впереди Юории Карион, черной розы девяти земель, красивейшей и опаснейшей женщины Империи. Ей легко и охотно платили долю от вырученных грязных денег – и Юория с улыбкой приносила их дяде. Денег у Даора всегда было столько, что принесенное ей золото он не считал. Чаще всего, он оставлял в ее ведении половину, и так Юория всего за три года не только построила себе собственный помпезный замок, но и обзавелась личной армией наемников. Людям наказанных ею кланов Юория предлагала принести присягу на крови, суля горы золота и безопасность, и, конечно, стоя рядом с освежеванными телами своих недавних товарищей, они соглашались. Воины Юории не носили одежд с гербом Карионов и по сути были абсолютно свободны в действиях: все знали, кому они подчинялись, но никто не заикался о связи с черными герцогами.

В атмосфере бесчестья и продажности, жестокости, преступных махинаций Юория чувствовала себя как рыба в воде.

Еще в самом начале пути дядя сказал ей, что ему все равно, как она будет добиваться поставленных целей. Когда она заигралась, уязвленная грубостью шутки выжившего из ума торговца опасным наркотиком фатиумом, герцог Даор спокойно объяснил ей, что вырезать крупные кланы целиком нельзя, что глав торговых семей можно убирать только в том случае, если им на смену уже подрос кто-то достойный, иначе она теряет ценный ресурс, который он мог бы использовать в будущем. А затем поинтересовался, удалось ли ей найти нужных людей. Юории тогда удалось – и Даор был доволен.

Каждые несколько месяцев она представляла перед дядей, чтобы рассказать ему о положении дел во вверенной ей области. Обычно он мерил ее тяжелым и холодным взглядом, пригибающим к земле, кивал и без вопросов отпускал. Она пыталась завести с дядей разговор о чем-то еще, как-то показать, что сама она не была лишь полезным ресурсом, но его не интересовали ее мысли, он говорил ей выйти, и Юория подчинялась, прикусив язык: дядю лучше было не злить. Она с трепетом думала, каким бы он мог оказаться в гневе, какой огонь скрывается за непроницаемой маской спокойствия. Ей казалось, что жар этого пламени так силен, что жалкая страстность приносивших ей драгоценности мужчин рядом с ним выглядит бледной искрой на фоне пожара. Какими властными должны были бы быть его движения, как сам он должен был бы измениться глазами, подходя к ней, с

какой непреодолимой силой он схватил бы ее за плечи!

Юории хотелось, чтобы Даор хоть чуть-чуть приоткрылся ей, тогда она смогла бы... проявить участие. Стать ему интересной. Если бы он только посмотрел на нее, по-настоящему, увидел горящий в ней отблеск своего жара, то вряд ли остался бы равнодушным. Никто из мужчин, с которыми она играла как кошка с мышами, не оставался!

Однажды Юория набралась мужества и спросила, почему Даор не взял ее на воспитание после смерти ее матери, оставив в Скальном замке на попечении глупых слуг. Даор оторвал взгляд от бумаг, которые изучал, и посмотрел на нее. Едва уловимое недовольство промелькнуло в его глазах.

– Ты была мне не нужна и ничего из себя не представляла, – ровно ответил он. – И единственным плюсом твоего существования в тот момент, единственным, что спасло твою жизнь, когда я мог использовать твою смерть, являлась возможность заключить династический брак при необходимости. Какой бы ты ни была – ты женщина-Карион.

Юория почувствовала подступающие предательские слезы, но проглотила их, гордо вскинув голову. Она красиво и возмущенно откинула назад свои шелковые волосы и так гордо, как могла, сказала:

– Я предлагаю вам, дядя, самому жениться, если понадобится подобным образом образовывать выгодный союз.

При упоминании женитьбы черный герцог лишь усмех-

нулся, и Юория показало, что он смотрит с интересом. Поэтому она набрала полную грудь воздуха и продолжила с пылом:

– А меня я предлагаю вам отпустить. Сделать свободной.

Повисла тишина. Огонь потрескивал в высоком камине, сложенном из острых друз светлого кварца, и где-то далеко за окном пронеслась стая черных тревожных птиц. Юория смотрела на закат, догоравший за хребтами гор, и его багровое марево расплывалось в ее полных гордых слез глазах. Она знала, что солнце последними лучами золотит ее нежную кожу, делая похожей на прекрасную Пар-оольскую деву.

Даор неспешно отложил перо, закрыл серебряную чернильницу со звонким щелчком и поднялся из-за стола. Он подошел к племяннице, ступая по голым плитам почти неслышно, и она замерла, замороженная его хищными движениями. Герцог остановился всего в нескольких шагах от нее. Юория ждала, что сейчас вспыхнет та искра, что разжигает пожар, но дядя неожиданно согласился с ее наглым предложением:

– Значит, хочешь свободы, – холодно сказал он ей, и услышав тон его голоса, Юория тут же пожалела, что вообще открыла рот. – С удовольствием подарю тебе ее. Цена ее невысока: роди девочку. Мне все равно, от кого она будет. Я назову ее Юорией, и ты будешь мне больше не нужна.

– Ч-что? – не поверила она ушам.

Дядя повел пальцами, и тяжелые шторы цвета пепла с ше-

лестом закрыли алевший вдальке закат. Юория вздрогнула и обернулась к нему, ища повод решить, что он пошутил. Но Даор был серьезен.

– У тебя есть месяц на то, чтобы забеременеть, – продолжил он все так же холодно. – По истечении этого срока, если самой тебе не удастся, я на одну ночь подарю тебя любому из черноторговцев, желающих поучаствовать в данном действии. А их, черная роза, будет немало.

Юория даже не успела ему возразить, упасть в ноги, умолять – черный герцог открыл портал и исчез, оставив ее, сломленную и дрожащую, обдумывать сказанное.

Юория хорошо слышала повисшее в воздухе продолжение истории: она родит девочку и умрет, а ее дочь получит ее внешность и имя, и будет иметь возможность заключать династические браки и вносить изменения в родовые книги.

Весь тот месяц она писала черному герцогу письма и умоляла его передумать, она клялась ему в верности, все глубже и глубже погружаясь в пучины отчаяния и проклиная себя за то, что вообще заикнулась о себе, попытавшись поразить его своим свободолобием. Герцог Даор не отвечал. Она с непонятно откуда взявшимся волнением представляла себе, как он открывает ее письма и несколько раз перечитывает их, а его губы кривятся в той усмешке, что ее так пугала.

Юория забеременела к самому концу срока, ненавидя себя за это и отдавшись дяде на милость, и лишь избавив себя

от необходимости совокупляться с теми, кому он мог бы ее швырнуть как девку для утех. Вернувшийся герцог потрепал ее по щеке и с улыбкой предложил прервать беременность, если она захочет остаться черной леди Юорией Карион. Она поливала слезами его сапоги, благодаря, и внутри нее рождалось новое для нее, незнакомое прежде чувство безграничной преданности и любви.

И когда он коснулся ее живота, впервые подойдя так близко, что его головокружительный запах, запах холодного ночного воздуха, окутал ее, Юория всем телом подалась его рукам навстречу. Боль, пришедшая следом, была такой сладкой, что она пыталась уловить его пальцы и обхватить их губами, чтобы заполнить откуда-то взявшуюся пустоту, куда более мучительную, чем потеря ребенка. Даор отстранился, не давая ей приблизиться, дразня и мучая, и оттолкнул Юорию от себя. В том, что происходило с ней после его ухода, она не признавалась никому: те растянутые сладкие часы, полные яркого и острого удовольствия, причиняемого себе самой с мыслями о том, кто мог и втоптать ее в грязь, и возвысить одним лишь своим решением, прикосновением, словом...

Юория просила дядю о встрече, но он, как и всегда, не считал нужным ей отвечать.

Она скучала так же отчаянно, как раньше боялась.

Когда он вновь появился, такой же режущий взглядом, как раньше, Юория напрасно пыталась заговорить с ним,

напрасно пыталась встретиться глазами. Она была готова, скромно потупившись, объяснить свое поведение в прошлую их встречу, она заранее продумала, как заломит руки и признается ему, и как потом платье с широким вырезом соблазнительно осядет к ее ногам бесполезной тряпкой, и она останется перед ним обнаженной, сдаваясь на его милость снова, ожидая ее, готовая принять все, что герцог посчитает нужным сделать.

Но Даор Карион ничего не спросил. Выслушав очередной отчет, черный герцог уведомил, что сохранил ребенка в ледяном артефакте, намекнув Юории на неустойчивость ее положения и предложив более не забывать об этом.

Вместе со страхом в Юории все сильнее разгорался азарт. Она понимала, что Даор сделал это, чтобы исключить неповиновение с ее стороны в будущем, но ей нравилось иногда думать, что с помощью сложных чар самый сильный мужчина, которого она знала, пытается сохранить ее, Юорию, рядом с собой. Все тогда обретало смысл: он не хотел отпускать ее и лишь ждал, что она дотянется до него, сможет понять, что ей делать, и сделает все для него, доказав свою безусловную преданность. И Юория старалась больше и больше, пыталась обрадовать герцога Даора любым возможным способом, готовилась к каждому его появлению, продумывая все до мелочей. От немногословного, но чуткого до ласки Олеара она узнала, что герцог любит сухое гранатовое вино долгой выдержки – и на столе, за которым он сидел, всегда сто-

ял бокал с лучшим гранатовым вином, что ей удавалось достать. Один из воинов герцога как-то сказал ей, что музыке герцог предпочитает тишину, и она распустила музыкантов, которым раньше приказывала играть во время своих отчетов и после них. Герцог не любил холода и сырости – и замок к его приходу начинали протапливать за сутки.

Юория самозабвенно искала, чем может усладить и взор Даора Кариона. Он, казалось, не обращал внимания на обстановку, не замечал изменения цвета стен, мебели, занавесей, освещения. Во время доклада он смотрел только на племянницу. Так она объясняла себе, почему во время его появлений старается выглядеть так роскошно, как может, а втайне надеялась на то, что его равнодушный взгляд все же остановится на ее гладких как шелк волосах или острых ключицах, игриво прикрытых тончайшим кружевом. Юория мечтала, что черный герцог Даор разглядит, наконец, что она представляет из себя, и оценит и ее красоту, и ее преданность.

Но он был все так же безразличен к ней. К ней! Покорявшей мужчин движением плеча и бедер, к ней, признанной красавице, черной розе, ночной фантазии каждого черноторговца всех девяти земель!

Дядя не мог не иметь любовниц. Он был ослепительно красив той темной красотой, от которой захватывало дух: правильные аристократичные и мужественные черты лица, холодные как лед черные глаза, белая кожа, тяжелые длин-

ные волосы цвета воронова крыла, которые он почти никогда не собирал; он был высок и широкоплеч, двигался быстро и уверенно. Все в его внешности кричало о его высоком происхождении и текущей в его крови магии.

Юория не раз слышала, как восхищенно шептались знатные дамы за его спиной. Как они обсуждали очередную дуэль, из которой он вышел победителем, как и обычно, одним точным ударом в горло на месте убив рискнувшего бросить ему вызов красного генерала. Как на его одежде даже не осталось капель крови. Как он небрежно вбросил меч в руки удивленному секунданту и удалился, и как вечером появился на приеме императора такой же невозмутимый, как и всегда.

Однажды Юории удалось соблазнить одного из его личных охранников, и тот поведал, что у дяди иногда появлялись женщины из благородных, но когда она попыталась найти их, оказалось, что ни одной уже нет в живых. «Мотив, которым ты руководствовалась, расспрашивая Лиолана и тем отправив его на смерть, не имеет смысла, Юория, – сказал ей дядя в следующую их встречу. – Не позволяй этому стать проблемой». Сбивчивых извинений униженной Юории он, как и обычно, не дослушал.

Извинений герцог Даор никогда не любил. И сейчас, когда она провалилась, отступив от данного ей приказа, Юория понимала, что единственное, чем она может смягчить свою

вину и даже, возможно, убедить дядю в своей дальновидности, было ей недоступно. Портреты Аланы дочери Ласа были у каждого вольного наемника, у каждого трактирщика, у каждого бродячего торговца всех девяти земель. Она допросила мать приемной матери мерзавки, но старушка, несмотря на смертельную дозу пузырчатки, не смогла ответить, где ее внучка. Единственная, кто знал об этом наверняка, была объявлена предательницей и болталась в петле на потеху воронам и ничего уже не могла поведать. Вестер после измотавшего его больше, чем кухарку, проникновения в разум, выразился ясно: она рассказала обо всем только дочери. Идиотка! Как можно было не кричать о таком на каждом углу! Как можно было не рассказать об этом половине деревни!

АЛАНА

Алана все время думала: мама знала, что выбраться из Приюта было нельзя? Поэтому отправила ее сюда, усыпив, чтобы ее глупая упрямая дочь не последовала за ней в пекло? Вила еще и подписала договор заранее. Балгар сказал, что разорвать его без одобрения директоров приюта нельзя, а директорам не пристало общаться со слугами.

Десять лет!

Беспомощность и неопределенность сводили с ума. Помогал лишь змеиный крест: каждый раз, когда девушка вспоминала, что бросила родных в Зеленых землях и отсижива-

ется за высокими безопасными стенами, она сжимала его так сильно, что снова чувствовала хранимое им мамино тепло – и только тогда ненадолго становилось легче.

В ведение Алане отдали одну из отдельно стоящих далеко от основных корпусов кухонь, и она разложила свои немногочисленные вещи в простеньком примыкающем к ней помещении, там же, где стояла простая, но удобная кровать за занавесью из кожи. Алана исправно выполняла свою работу: варила громадными кастрюлями супы и каши, запекала тазами жаркое, замачивала травы и фрукты в кипятке, процеживала и разливала по кувшинам свежее молоко, терла в пюре разнообразные овощи, вялила тонко нарезанное оленьё мясо. Куда отправлялась приготовленная еда, кухарка не знала: в какой-то момент готовые блюда просто исчезали со специального стола, а через некоторое время в шкафах обнаруживалась пустая и абсолютно чистая посуда.

Слуг было много, никак не меньше пятидесяти человек – и это только из тех, кто пришел на общее собрание в день ее принятия на службу. Все они жили разрозненно, обычно пересекаясь только утром, когда распределяли поручения на день. В основном это были мужчины и женщины старше пятидесяти лет на вид, ровесников Аланы не было совсем. Многие из них, как они гордо рассказывали, служили в Приюте десятилетиями, не возвращаясь в родные земли. Поначалу это здорово удивляло Алану: разве не рождаются у слуг дети? Но одна из ухаживающих за фруктовыми деревьями

женщин объяснила, что заводить детей в Приюте было запрещено: слишком велик был риск родить ребенка-уродца в атмосфере изменяющихся законов пространства. Она же рассказала, что слугам нельзя было вступать даже в разовые отношения с послушниками: за такое послушников скидывали «вниз» или выгоняли из Приюта, а слуг отправляли во-свояси. Алану, впрочем, эти правила не интересовали, брак – последнее, чего она хотела от места, в котором оказалась против собственной воли.

Глубоко погружившись в отчаяние, Алана не хотела ни с кем общаться, а другие слуги, сделав несколько попыток сблизиться с угрюмой новенькой и нарвавшись на ее отстраненную вежливость, в нерабочее время разговаривать больше Алану не стремились. Да и повода не было: первые недели Алана совсем не посещала маленькую столовую, где эти немного странные мужчины и женщины собирались по вечерам, чтобы послушать музыку и поиграть в карты. Ей не нравились их просветленные, будто в наркотическом транс лица и их спокойная покорность. Они говорили, что жизнь в Приюте – это долгое и счастливое пребывание в чуде. Они почти не болели, медленно старились, почти всегда были веселы.

Стоило ей спросить у них про порталные окна, оказалось, что интересоваться подобным – против каких-то негласных правил, и никто ничего не знает, и вообще справляться о новостях из большого мира – моветон. Со сво-

им стремлением найти выход, о котором она проговорилась лишь в самом начале, Алана быстро стала почти изгоем. Ее жалели как блаженную все, кроме Хелки.

Алана сторонилась послушников, которые смотрели на кухарок и садовников как на пустое место, и никогда не встречала преподавателей. Хелки, которая, кажется, могла подружиться даже с мертвецом, рассказала по секрету, что преподавателей и младшим, как она называла проходящих первую четверть обучения, сложно встретить. Вне залов лекций большинство наставников использовали заговоры, отводящие глаза, так они могли приглядывать за послушниками и оценивать их прогресс, оставаясь незамеченными. Чтобы почувствовать их присутствие или тем более заметить кого-то из них, нужно было быть довольно сильным шепчущим. «Мне и самой не удастся, – сокрушалась она. – Только на занятиях».

Каким бы чудесным ни было это место, оно стало для Аланы клеткой. Она не могла найти границ и стен, чтобы выйти за них, и изводила себя, путешествуя по территории Приюта ночами, по много часов бредя в одну сторону – и выходя к новым и новым зданиям и садовым комплексам. Под утро девушка возвращалась, измотанная, усталая, а с рассветом начинала готовить, сомнамбулой совершая привычные действия.

Хелки оправдывалась, что не имеет права рассказывать никому об устройстве Приюта, и Алана сделала вывод, что

это – загадка, которую каждому нужно разгадать самостоятельно. Несколько раз дополнив нарисованную от руки карту, она обнаружила, что некоторые прямые дорожки закольцованы. Разгадка казалась простой, но совершенно ее не устраивала: похоже, выйти из Приюта можно было только используя порталное окно.

Алана не раз пыталась увидеться с кем-нибудь из наставников, чтобы узнать про порталные окна, но это было очень сложно: в учебные корпуса вход ей был запрещен. Она дежурила у дверей, но, разумеется, никого так и не встретила. Отчаявшись, она умоляла Хелки передать ее просьбу кому-нибудь из тех, кто мог бы помочь ей выйти из Приюта хотя бы ненадолго, и благодаря этому познакомилась с Хранителем ключей, немолодым и очень вежливым шепчущим, который никогда не представлялся по имени. Он объяснил Алане правила, которые, как он уверял, ей должны были обозначить еще при подписании приглашения: заключив контракт на десять лет, выйти из Приюта все десять лет она не сможет. Исключением служила личная виза одного из директоров, но чтобы получить ее, нужно было пройти множество формальных процедур: изложить на бумаге причины обращения и обосновать необходимость покинуть территорию Приюта, дожидаться доскональной проверки предоставленных сведений, а затем ждать, пока у кого-то из директоров найдется свободная минута для разговора с кухаркой. Выслушав сбивчивые рассказы Аланы о семье, оставшейся в сложное вре-

мя в Зеленых землях, Хранитель ключей лишь покачал головой: этого явно было не достаточно. Он также выразил свое удивление тем, что Алана не договорилась, чтобы близкие писали ей: письма слугам в Приют пропускались, но ответ отослать было нельзя.

Едва сдерживая слезы, почти хороня последние надежды, Алана будто бы невзначай пошутила, что могла бы подписать договор за свою сестру, чтобы ее взяли в Приют еще одной кухаркой, и Хранитель ключей без тени шутки объяснил девушке, что подобные подмены грозили бы смертью и Виле, и ее сестре. Алана притихла, понимая, что не должна привлекать больше внимания: она точно не хотела, чтобы шепчущие принялись проверять ее прошлое и выяснили, что она – не та, за кого себя выдает.

Смерть была бы не самой лучшей благодарностью маме за ее жертву, напоминала себе Алана, когда снова хотела поговорить с Хранителем ключей, и она бросала эту затею: что еще можно ему сказать?

Одно не давало ей покоя: почему же, при всех этих серьезных и даже чрезмерных мерах защиты от всего на свете, при всем этом нагромождении правил, целью которых, похоже, являлось предотвращение утечки любой информации, ее не проверили при поступлении на должность?

Алана пожаловалась Хелки, что очень переживает за сестру, оставшуюся в Зеленых землях в такой непростой момент.

Хелки, храни ее Свет, поговорила с несущим послушание у порталных столбов, и с его разрешения беседовала с приходящими из большого мира. Она пыталась что-то разузнать о происходящем в Зеленых землях, но никто не возвращался оттуда уже несколько дней.

КЕЛЛАН

– Келлан, у меня есть к тебе просьба.

Келлфер был одним из директоров приюта, и сформулируй он это не как просьбу, а как приказ, его сын не мог бы не выполнить его. И все же он всегда просил. Многие любили Келлфера за эту внешнюю мягкость, но Келлан знал: за шелковой перчаткой скрывает железная рука умного, практичного, недостаточно уверенного в себе и осторожного человека.

– Я тебя слушаю.

Келлфер сел в кресло и жестом предложил сыну стул напротив. Келлан остался стоять.

– Один мой хороший друг попросил устроить сюда прислужницей женщину, которая очень помогла ему в прошлом. Еще он попросил меня за ней приглядеть. Я видел ее вчера, она разговаривала с Хранителем ключей, а значит, мы уже могли опоздать. Есть несколько важных манипуляций, которые необходимо проделать с ее разумом. В этом я готов довериться только тебе.

Келлан сдержанно кивнул: отец часто обращался к нему

с подобными поручениями. Келлан подозревал, что нередко становился слепым орудием в руках своего родителя, пытавшегося удержать власть в Приюте в своих руках, но никогда не протестовал. В конце концов, его просьбы были легко выполнимы для любого, кто был достаточно силен и у кого был нужный талант. Сам Келлфер был слабее большинства подчинявшихся ему наставников, выраженных талантов у него не было, но стратегический его ум не раз помогал Приюту остаться в стороне от крупных войн и трагических событий.

– Что нужно сделать?

– Закрыть блоком ее разум, чтобы никто не смог прочитать ее воспоминаний. И сам не читай: это не на пользу, поверь. Если бы она несла в себе хоть малейшую опасность для Приюта, я не пустил бы ее сюда. Повторю, это просьба моего хорошего друга.

– Мы говорим об обычной простачке?

– Да. Она кухарка. Ее зовут Вила.

– Кто не должен прочесть ее воспоминаний?

Келлфер поморщился, будто сын задал ему неприличный вопрос, и Келлан усмехнулся про себя: ему было интересно, признается ли отец, что его действия направлены на замутнение четкости зрения других директоров.

– Все, – ответил Келлфер в своей нейтральной манере.

– Сделаю.

Келлан видел: отец что-то скрывает, да еще и думает, что сын не замечает очевидного. И все же он коротко поклонил-

ся и вышел, в который раз принимая решение не вмешиваться в игры, которые вел отец с его так называемыми друзьями.

АЛАНА

– Вила! Тебе письмо от... – Хелки прочитала имя на конверте. – Хилы. И в скобочках указано: Аланы, дочери Ласа. Интересно?

Алана выронила горшок с молоком, который несла на кухню, и темно-коричневый подол ее хлопкового платья покрылся белыми каплями. Она сделала навстречу подруге шаг, потом еще один, споткнувшись о горшок, и вот письмо оказалось в ее руках. Письмо, подписанное маминым почерком! Ее письмо!

– Я смотрю, новости и правда хорошие, да? – улыбнулась Хелки. – Ладно, ты читай, все, все, не мешаю! – замахала она руками на Алану, которая так не выдавила из себя ни слова.

Алана опустила на скамейку и дрожащими руками порвала конверт, смяв в нетерпении уголок листа с посланием, которого ждала все это время. Прежде, чем разворачивать свернутый пополам желтый кусочек бумаги, Алана оглянулась: вокруг никого не было? Но почему ей показалось, что какая-то тень мелькнула между ней и солнцем? Птица?

Послание было совсем коротким.

«Дорогая моя Вила.

Все разрешилось для нас с Евой. Мы обе живы и целы, мои опасения были беспочвенными, никто не угрожал мне смер-

тью. Они лишь хотели, чтобы мы с Евой воссоединились. Папу мы похоронили без тебя, но я знаю, мысленно ты была с нами.

Пока наши услуги в поместье не требуются, мы хотим пожить в деревне. Может быть, заведем скотный двор или будем выращивать овощи. Ева хочет разводить кур, ты же знаешь, как она любит бегать за ними.

Родная моя, любимая моя Вила! Пожалуйста, береги себя. Оставайся пока в Приюте, как ты и собиралась, сюда возвращаться для тебя может быть по-настоящему опасно. Они продолжают искать свидетелей тех событий и, кажется, знают о тебе. Окажись ты здесь, вряд ли сможешь избежать встречи с ними.

Люблю тебя всегда».

И снизу приписка:

«Знаю о правилах Приюта и понимаю, как ты ждешь от меня новостей. Прости, но писать ближайшие несколько месяцев или даже лет я больше не буду: боюсь, что письмо могут обнаружить они, а им не нужно знать, где ты сейчас. Это письмо попрошу отправить Хилу, так что не удивляйся, если на конверте будет ее имя. Сожги письмо».

Алана прижала письмо к лицу и вдохнула запах бумаги. И разрыдалась от облегчения.

КЕЛЛАН

Она была совсем еще ребенком по сравнению с ним, но

точно не была простачкой, Келлан был готов поклясться в этом. Как не раз до этого, он прислонился к дереву неподалеку, внимательно наблюдая за ее неуверенными движениями: то и дело она клала руку на грудь. Конечно, она хваталась за свой амулет. Амулеты такой силы тоже не носят на себе простачки.

Почему ее счастливая улыбка отзывалась в нем такой радостью?

С тех пор, как он впервые заглянул в ее беспокойный разум, чтобы закрыть его от чужого проникновения, девушка все никак не шла у него из головы. Что-то было в ней знакомое, чего точно никак не могло быть в простой служанке. Она держалась тени, тихая, вежливая, спокойная, запомним глотала книги в свободное время, общалась лишь с одной отбывающей наказание послушницей, называя ее подругой. И никому, даже ей, не рассказывала правды о себе.

Алана.

Это имя подходило ей намного лучше грубого имени Вила. Оно звучало не как имя девушки из Зеленых земель: там по обыкновению женские имена были короткими и хлесткими. Алана была мягче и куда менее агрессивной, она была теплее. И внешне Алана совсем не была похожа на человека тех мест: миниатюрная, русоволосая, кареглазая, со светлой кожей и темными ресницами и бровями. Лицо ее было скорее аристократическим, хоть и не выделялось тонкостью черт, и Келлану все было не припомнить, где он видел

такие лица: с первого взгляда неприметные, но когда взглянешь в упор – будто светящиеся изнутри. И вела она себя так же: старалась оставаться незаметной до тех пор, пока ситуация не заставляла ее выходить вперед и показывать себя – и тогда она быстро добивалась желаемого и снова уходила в тень. Его глубоко поражала эта непритязательность, смешанная с желанием знать новое. Алана как ребенок смотрела на магию большими глазами – и все время останавливала себя от мыслей о ней. Даже учи он ее принципам безоценочного и эффективного восприятия реальности, не так многое ему пришлось бы добавлять в ее внутренние монологи. Силе ее воли стоило позавидовать многим послушникам и даже наставникам: находиться рядом с чудом и по-настоящему не давать себе загораться им, понимая возможность сгореть в огне неутолимого желания, могли единицы. Она же не только не пыталась откусить кусок, который не смогла бы проглотить, она не давала себе размышлять о нем.

Он и сам не заметил, как ему стало не все равно, что происходит с этой чистой девочкой.

Сегодня Келлан не собирался в западную часть территории. Он лишь проходил мимо, срезая путь до порталных столбов. Ноги будто сами повели его мимо маленькой кухни, так уютно укрытой раскидистыми деревьями. Повинуясь какому-то порыву, Келлан завернул во двор, где сразу вынужден был остановиться: Алана сидела на скамье совсем непо-

далеку и читала письмо. И плакала. Келлан рванулся было к ней, потеряв на миг бдительность, и она обернулась, затравленно, прижимая лист к груди. Келлан ощутил промелькнувший страх на волне счастливого облегчения, и ему стало не по себе. Он отступил в тень, более никак не выдавая своего присутствия.

Почему это письмо заставило Алану так рыдать? Почему она целовала расплывающиеся от ее слез строчки? И почему ее так хотелось обнять, утешить, порадоваться вместе с ней, сказать, что теперь все наладится, и Приют может стать ей новым домом вместо того, откуда прислали этот смятый листок? Желание снять с себя защитный заговор и появиться перед ней было таким сильным, что Келлан в страхе отшатнулся и быстро направился к столбам, успокаивая дыхание и приводя в порядок мысли.

«Если бы я просто возник рядом с ней из ниоткуда, – сказал он себе, – то она лишь бы испугалась. Она не знает меня. Не знает, что я не несу опасности. Она и так напугана. Бедный ребенок».

Алана...

А ведь обычно Келлану докучало внимание. Его раздражали подхалимство послушников, попытки заговорить с ним о ничего не значащих пустяках наставников, тем более – заигрывания с ним прислуги. Однажды начав пользоваться защитным заговором, он уже не собирался отказываться от

него вне аудиторий, с удовольствием незамеченным гуляя по Приюту. Никто не видел его – и это делало его шаги еще легче.

Заметив в себе новое, столь нетипичное для него, желание, Келлан впервые за долгое время испугался. Он проштудировал четыре тома описаний ментальных чар, внушающих симпатию, и не нашел ничего, что бы Алана могла использовать сознательно или неосознанно, особенно учитывая, что не знала о его присутствии. Приняв как аксиому, что ему просто хочется помочь несчастной девочке, оказавшейся в непростой ситуации далеко от близких и привычной жизни, он перестал появляться в западной части территории Приюта, справедливо рассудив, что ранее судьбы слуг его не слишком интересовали.

ОЛЕАР

– Олеар, – промурлыкала Юория, глядя слугу дяди по руке, изредка запуская пальцы под край широкого рукава простого синего камзола. Олеар смотрел на нее жадным и насмешливым взглядом, и его желание текло по ее коже горячей смолой. – В каком он расположении духа? Что он говорил тебе обо мне? Я знаю, вы все с ним обсуждаете. Он... – Она сделала выразительную паузу. – Он ценит тебя. Делится своим мнением, идеями, мыслями. Я хочу знать их. Расскажи мне, пожалуйста.

Олеар протянул руку, чтобы коснуться ее укутанного шел-

ком бедра, но Юория уклонилась, привставая с подлокотника кресла, в котором сидел мужчина, и отошла к окну.

– Герцог Даор ни с кем не делится своими мыслями, идеями и чувствами, – с едва скрываемым смехом произнес Олеар, незаметно приоткрывая плотную раму и с удовольствием наблюдая, как Юория ежится на ветру. – С чего ты такое взяла?

– Ну а с кем ему обсуждать свои планы, как не с тобой? – капризно спросила Юория.

– Почему ты вообще решила, что он с кем-то обсуждает свои планы?

Олеар поднялся из кресла и подошел к Юории, но остановился в шаге, не касаясь. От нее исходил едва заметный запах драгоценных масел. Олеар мог поклясться, что вся ее кожа источала этот упоительный аромат.

– Ну как же. С кем-нибудь должен.

– Да ну? Ты, наверно, начиталась женских романов? Или насмотрелась на пыжащихся от демонстрации собственной незаурядности маркизиков?

Олеар сделал еще полшага, и теперь почти касался носом ее волос. Юория позволила ему это. Она бы позволила ему почти что угодно.

– Расскажи, как думает он, – попросила она, оборачиваясь.

– Никто из по-настоящему сильных людей, Юория, – нежно начал объяснять Олеар, – не станет делиться ни с кем пла-

нами. Не станет разжевывать их. Не озвучит своих чувств никому, кто ему не ровня, да и в присутствии равных промолчит. Герцогу Даору не нужно делать вид, что у него все под контролем, не нужно никого убеждать, не нужно объяснять, силен он или умен. Поэтому он ни с кем не открывничает.

Пальцы его играли с ее тяжелыми смоляными прядями.

– Но ведь я слышала, как он говорил тебе... – прошептала Юория.

– Иногда он учит меня, – согласился Олеар. – Но это не разговор по душам.

– А он рассказывает что-то своим женщинам?

– Сильно сомневаюсь. – Ладонь Олеара скользнула по талии Юории. Он неприкрыто смеялся. – Ты как себе его представляешь? Как пафосного дурачка, толкающего проникновенные речи? Мы говорим об одном герцоге?

– То есть он ничего им не говорит, – задумчиво протянул Юория, скидывая руку Олеара и поворачиваясь снова к окну. – Ясно. Значит, он не разговаривает не только со мной. Я все приготовила, как он любит, – сказала она, всматриваясь в дорогу. – Вино, камин. Ему понравится. Тебе нравится?

АЛАНА

Теперь время шло совсем иначе.

Алана и Хелки очень подружились. Жизнерадостная, смешливая, добрая, но озорная Хелки смогла не только рас-

положить к себе Алану, но и сделать ее пребывание в Приюте по-настоящему приятным всего одним простым приемом: она начала носить подруге книги. Когда Хелки впервые оставила на столе тяжелый и пахнущий библиотекой фолиант, не забыв положить сверху записку с предложением обсудить прочитанное, Алана не поверила своему счастью. Запретному, нужно сказать, счастью.

– Это не нарушает правила? – осведомилась Алана, с трепетом держа в руках первый том сочинений Соттиана Белонравого. Ей совсем не хотелось слышать очевидного ответа.

– Это я взяла книги в библиотеке, – ответила Хелки как ни в чем не бывало. – Ну, я ж постоянно тут торчу, так вот пошла работать – и оставила случайно.

Хелки со свойственной ей легкостью брала ответственность на себя. Алана была готова ее расцеловать.

– Правда? – переспросила она еще раз, прижимая книгу к груди, уже не готовая ее отдавать. Как же она изголодалась по чтению!

– Ага. – Хелки подмигнула. – Это еще что. Я все время с книгами неаккуратна. Со мной всякое бывает. Голова моя дырявая! Узнают – пусть наказывают, что делать, буду внимательнее впредь!

Она рассмеялась так звонко и тепло, что Алана ясно поняла: никуда невнимательность подруги не исчезнет.

– Спасибо! – воскликнула Алана, обнимая подругу, отчего книга болезненно врезалась в ребра обеим.

Хелки потеряла бок и игриво протянула:

– Ну, это уже травма. У меня к этой книжке неприязнь.

Мне понадобится много дней на ее изучение.

– Два, – тихо поправила ее Алана.

– Серьезно, я читаю так быстро? – деланно удивилась Хелки. – Ладно, два. Раз я такая быстрая, я многое успею изучить... А если серьезно, – внезапно проговорила она. – Я не рискну приносить книги о заговорах или ритуалах, но ведь они тебе и не нужны. Что тебе интересно? Древние сказания, описания магических битв тысячелетней давности, легенды о великих семьях, сказки, рассказываемые детям всех концов света?

– Все, – неверяще ответила Алана. – Может, сказки чуть менее интересны.

– А вот это ты зря, кстати, – ответила Хелки. – Один наш наставник, историю преподает, говорит, что через сказки мы смотрим на мир глазами тех, что их написал, и смотрим им же в душу. И правда, когда читаешь заморские, это совсем не как наши. Одни сказания Пар-оола чего стоят! Будто находишься в чужой шкуре. Надо бы и тебе попробовать.

– Убедила, – не особенно сопротивляясь, сдалась Алана. – Хочу побывать в шкуре детей Виллионских рыбаков или подростков племени Тиубаи. Я о них только слышала.

– Договорились, – кивнула Хелки. – Виллион и Тиубаи. И еще что-нибудь. У меня задание по истории, по сказкам. Обсудишь со мной? Я не очень усердная в этом, а мне эссе

писать...

– Но сначала Сотиан Белонравый, – строго сказала Алана. Глаза Хелки смеялись.

– Благодарю, наставник, но сначала работа, – ответила эта солнечная девушка и, взмахнув кудрями, унеслась в сторону столовой, оставив Алану наедине с ее сокровищем.

Уникальные книги, каких она никогда бы не нашла в родной земле, отвлекали Алану почти от всего. Стоило ей погрузиться в мир витиеватых слов – и тоска по родным временно отступала, уступая место хитросплетениям сюжета. Она читала, казалось, каждый миг, не посвященный работе или общению с Хелки, запоем, проглатывая с одинаковым рвением и тяжелые трактаты, и юмористические фантазии, и не зря разрекламированные Хелки сказки.

Кроме того, теперь Алана с Хелки часто обсуждали прочитанное. Различия между ними в этих дискуссиях стирались, и Алана больше не чувствовала себя не способной поддержать беседу о чем-то важном простачкой. Ей нередко удавалось отстоять свою точку зрения, и эти маленькие победы, идущие на пользу обеим, грели ее. Девушки спорили о мотивах первых Вертерхардов и Теренеров, о причинах их пронесенной сквозь века вражды, о том, были ли достаточными меры по удержанию в составе Империи Серой земли восемьсот лет назад, и мог ли отец нынешнего императора передать трон не младшему сыну, а племяннику. Ала-

на с удовольствием закапывалась в сборники законов, чтобы найти ответы на самые сложные вопросы домашних заданий Хелки, и та, не отличавшаяся подобной въедливостью, искренне благодарила подругу, признавая, что без нее изучение истории и судебного дела было бы скукой смертной.

Перед сном, лежа под тонким шерстяным одеялом, Алана часто воскрешала в памяти теплое письмо мамы. Она представляла себе дрожащие завитки ее ровного почерка, как слова были расположены на листе. Мысленно она перечитывала письмо снова и снова – и каждый раз оно приносило отголоски того облегчения.

Все еще переживая за маму и Еву, теперь Алана представляла, как вернется домой после истечения контракта, обнимет их – уже почти взрослую сестру и поседевшую мать – и скажет спасибо за все, что Вила сделала для нее в ущерб себе. Алана наконец чувствовала себя так, будто место, в котором она оказалась, и правда было доброй сказкой, и теперь просыпалась не в слезах, а с улыбкой.

Она узнавала о Приюте все больше и больше, и ее затягивало происходящее вокруг, пусть оно происходило и не с ней. Когда Алана начала ее замечать, атмосфера Приюта поразила ее воображение. Всю жизнь не вылезавшей из книг девушке повезло стать активным наблюдателем древней легенды. Бродя по мощеным тропинкам в тени раскидистых каштанов, разглядывая мерцающие, покрытые рунами кам-

ни стен, прислушиваясь к какому-то неземному ветру, доносящему до нее знакомый шепот с нотками свиста, Алана вспоминала мечту Вэла. Да он бы жизнь отдал, чтобы хоть одним глазком взглянуть на Приют, и такого представить себе не мог! А Алана, прячась в тени, могла наблюдать, как послушники изменяли законы мира, как создавали вещи из ниоткуда, как явления перетекали из одного в другое, повинувшись их словам. Их шепот, естественный для них как обычная речь, не казался Алане чужим. Каждый раз становясь свидетелем чудес, она, к стыду своему, чувствовала такой опьяняющий восторг, что только спасительного тепла амулета было достаточно, чтобы привести ее в чувство.

Хелки однажды увидела, как Алана застыла перед ссорящимися послушниками, и со свойственной ей проницательностью поняла, что происходит. Она объяснила подруге, что в Приюте послушники не проводят меньше пятидесяти лет, и такой уровень тайного языка достигается очень медленно. Сама она могла прошептать всего несколько простых исцеляющих и скрепляющих заговоров – и те изматывали ее, хотя преподаватели и считали ее талантливym целителем.

– Сколько же живут шепчущие, если могут запросто кинуть пятьдесят лет на обучение? – спросила у подруги Алана тогда.

Хелки только пожала плечами:

– Да сколько захотят и сколько смогут. Только о возрасте никто обычно не спрашивает, и сам не говорит тоже. Я вот

слышала, что одному из наставников почти четыре сотни лет.

Эта цифра глубоко поразила Алану, привыкшую к мысли, что существовать больше ста лет почти никому не удастся.

– Разве такое возможно? – спросила она недоверчиво. – У вас возраст не афишируют, так может, он не так велик?

– Или еще больше может оказаться, все возможно, – возразила Хелки. – И ты разве не знаешь об императоре? Он даже не шепчущий, а ему триста пятьдесят почти. Все стараниями целителей, они поддерживают в нем жизнь, что могут делать еще долгие и долгие годы.

– Одно дело он, – попыталась сохранить остатки своей веры Алана. – Одна моя знакомая торговка говорила, что он совсем уже одряхлел и выжил из ума. И что при нем шепчут почти постоянно. Но как может кто-то, кого не заговаривают ежесекундно, так долго жить?

– Я, кстати, не думаю, что постоянно, – задумчиво ответила Хелки. – Замедлять старение и умирание сложно, но вполне можно... А вот насчет второго – мы просто не стареем, магия в нас сама поддерживает наши силы. У нас и совершеннолетие наступает поздно, лет в сто, не раньше. Для наставников мы именно поэтому дети. Они иногда и называют нас детьми.

Алана почувствовала укол зависти и постаралась, чтобы ее голос звучал непринужденно:

– Ты меня пугаешь. И сколько же тебе лет? Сто? Пятьсот?

– Мне сорок два, – пожалала плечами Хелки.

Алана удивленно присвистнула. Хелки выглядела максимум на двадцать.

– Вот это да... – прошептала она.

– Ой, ты извини, – вдруг поняла Хелки свою ошибку. – Прости, пожалуйста. Я так привыкла все с тобой обсуждать, вот и несу все подряд, язык у меня как помело. Ты не обижайся, что я как будто хвастаюсь.

Алана через силу улыбнулась:

– И вы что же, живете, пока вас не убьют?

– Ну... – Хелки как-то осеклась. – Не думаю, что такая уж разница между нами. Разве времени может быть достаточно?

– Наверно, – подхватила ее волну Алана. – Но мне нужно куда серьезнее выбирать, чем я хочу занять оставшиеся, может, лет шестьдесят.

– А сколько тебе лет? – спросила Хелки, хлопая глазами.

– Мне двадцать девять, скоро тридцать.

– Я бы не сказала... – Хелки взяла Алану за плечи и внимательно взгляделась в ее лицо. – Я бы вообще не смогла назвать твой возраст. Правда. Но знаешь что... Я обещаю тебе, что когда стану целителем, то продлю тебе жизнь минимум до ста лет!

– Ого, – Алана улыбнулась. – Согласна! Только тогда мне придется решать, что же делать в эти сто лет...

– А ты бери пример с меня, начинай с простого! – разве-ла руки Хелки. – Я вот когда отучусь и заплачу за обучение,

собираюсь для начала посетить все девять земель и познакомиться со всеми герцогами до одного! А потом...

ЮОРИЯ

В этот раз Даор Карион не зашел в кабинет, где было приготовлено для него вино, не сел в мягкое кресло напротив жарко затопленного камина. Юория пыталась пригласить его, но он остался стоять там же, куда прибыл – у порտальной стены имения, прямо рядом с голой без ковра деревянной лестницей, почти на проходе. Юория чувствовала себя неуютно в этом пустом развороченном холле, продуваемом ветром из разбитых и так и не починенных ею окон. Двери в оба крыла были приоткрыты, пронесился сквозняк. Юория заворожено смотрела, как тяжелые волосы герцога, не собранные, как и обычно, волнами подрагивают на воздухе.

– Может быть, мы все-таки пройдем наверх? – склонилась Юория в поклоне, задев юбкой приоткрытую дверь. – Там накрыли...

– Судя по тому, что я узнал, ты успеешь сказать все, что хотела, так быстро, что я не успею сесть. – Его голосом можно было резать сталь.

В дверь заглянула какая-то женщина из деревенских и, ойкнув, исчезла. Юория вспомнила, что послала за грушами, и зарделась, ощущая происходившее собственным позором. Даор стоял прямо, не двигаясь, и по его лицу сложно было

что-нибудь прочитать.

– Я прошу прощения, я бы никогда не начала говорить...

Даор оборвал ее взмахом руки:

– К делу.

Повисла тишина. Юория решила нарушить ее не сразу.

– Дядя, я прошу, дай мне еще времени, – попросила она, стараясь говорить уверенно. – Как только у нас будет свидетель рассказа этой Вилы, мы сможем дискредитировать всю семью красных. Разве не этого ты хотел?

– Голденеров не нужно было убивать, – холодно сказал герцог Даор, проводя рукой по оспине в двери, куда Вестер поместил слепок рода и откуда потом выжег его. – Ты ослушалась меня. Твой план глуп и плох. Но если ты не найдешь свидетеля, император обвинит в произошедшем нас. И тогда мне придется его убить, хотя это еще много лет не входит в мои планы.

– Я все сделаю, я клянусь, ее притащат ко мне, и я...

– Кроме того, Вила жена Ласа была моим человеком. И ее задание не исчерпывалось открыванием дверей. Она должна была отправиться в Приют Тайного знания.

Юория испуганно замолчала.

– П-поняла... Прости, я не знала, я...

– Ты разочаровала меня, Юория. Вместо тихой операции ты уничтожила один из безобидных именитых родов и повергла всю Зеленую землю, соседнюю с нами землю, в хаос. И при этом каждый знает, что ты, Юория Карион, сейчас жи-

вещь в имении зеленых герцогов.

– Они знают, что я просто наказала красных... – сорвавшимся голосом прошептала Юория. – Только дай мне время.

– Когда все закончится, ты отдашь мне браслет подчинения.

– Д-да.

– И в зависимости от развития событий или останешься здесь управлять фермерами, или вернешься в Скальный замок.

– Дядя, прошу...

Герцог встал и мановением руки открыл портал.

– У тебя двадцать шесть дней.

Миг – и Даор Карион исчез в открытом проеме. Юория опустила на пол, обнимая себя руками, безуспешно пытается унять тяжелое дыхание и приглушить рев пламени в своей груди. Ее трясло. Она коснулась браслета нетвердой рукой, и Вестер появился. Юория жестом показала ему на пол, и, прикрыв глаза в болезненной фантазии, широко развела стройные ноги.

АЛАНА

День выдался душным. Алана скинула верхнее платье, вспотев, и теперь амулет, обычно надежно спрятанный под нижней рубахой, вывалился наружу и бил ее по груди в такт быстрым шагам.

Выл, как оказалось, высокий светловолосый парень лет

двадцати двух. Он лежал, скорчившись, на земле, схватившись руками за живот, и жалобно, прерываясь на вздохи, на одной ноте издавал этот жуткий животный звук. Над ним стоял парень постарше, коренастый, темноволосый. Оба были послушниками.

– Да ничего я не сделал, – задыхаясь, проныл светловолосый. – Ты у нее спроси.

– Неужели?! – зло кинул темноволосый. – Посмотрим!

Похоже, драка, если она и была, уже закончилась. Темноволосый парень пнул лежащего пару раз в живот и снова что-то зашептал.

– Да ты совсем с ума сошел! Он меня убьет! – увидел Алану лежащий парень. – Я же сдался! Сдался!

Алана хотела налететь на темноволосого сзади, чтобы он от неожиданности повалился на землю и прекратил шептать, но вовремя остановилась. Однако и в стороне стоять и смотреть, как избивают уже сдавшегося и явно более слабого противника, она не собиралась. Лежащий на траве парень, кажется, плакал. Поэтому Алана прикинула расстановку сил и залепила темноволосому несильный, но вполне ощутимый подзатыльник. Тот перестал шептать и удивленно обернулся, а девушка грозно встала между дерущимися, оперев руки в бока.

– Ты что, кухарка? – он оглядел Алану с головы до ног, остановившись взглядом на не самом чистом после приготовления свекольного супа переднике, а потом – на выбив-

шемся из-под рубахи амулете. – Совсем с ума сошла?

Алана не ответила. Она надеялась, что молчание сыграет в ее пользу, и парень сам додумает, почему она так нагло и уверенно себя ведет.

– Из отработывающих что ли? – протянул парень. Теперь все его внимание принадлежало девушке, и хоть она и не чувствовала себя в абсолютной безопасности, особенно страшно ей не было: законами Приюта применять силу к слугам было запрещено, за это серьезно наказывали. Алана как-то спросила Хелки, дает ли это и ей иммунитет, и послушница смутилась: нет, ведь ей оставили возможность шептать, а правило распространяется только на простаков и тех, кто временно отстранен от силы вообще. Конечно, послушник мог устроить Алане ад и после, заговорив все, к чему ей приходилось прикасаться, так что его было лучше не злить, но и отступить уже было некуда. Алана вспомнила истории Хелки о многолетних физических отработках серьезных проступков, и решилась на обман.

– Вынуждена признать, для первой четверти неплохо.

О четвертях обучения, негласном разделении всего срока послушничества, тоже рассказывала Хелки.

– Ты ухитрилась попасть в отработку со второй? С третьей?

Алана едва заметно кивнула, когда он сказал «третьей» и ухмыльнулась как можно увереннее.

– Если делаешь что-нибудь действительно неправиль-

ное, – она продолжала мечтательно и зло улыбаться, – тебя могут и на третьей отстранить. Оставь парня в покое. Видишь, он же уже все понял.

– Как тебя зовут? – оскалился темноволосый, явно не зная, как поступать. Похоже, сейчас, когда раж спал, он стал довольно труслив и прятал страх за показной наглостью. Улан всегда так делал, когда его кто-нибудь пугал, Алана наизусть знала эти повадки. А вот вопрос был плохим.

– Какая разница. Еще познакомимся.

– Меня зовут Рест, – парень провел рукой по коротким волосам. – А ты заступилась не за того. Жеан того не стоит.

– Исчезни, Рест, – беззлобно, сжимаясь внутри в комок процедила Алана. С Уланом это срабатывало. Но Рест не собирался уходить так просто.

– А давай-ка я зайду попозже...

Тут он вытянулся как по струнке, глядя девушке за спину, вдоль стены, поклонился, и, ни слова не говоря, пошел прочь. Когда он отошел метра на три, Алана выдохнула, неуверенно обернулась и увидела высокую фигуру в черной одежде, как раз повернувшуюся к ней спиной. В длинных каштановых волосах мужчины светилась простая серебряная заколка.

– Дерьмо, дерьмо, дерьмо! – выругался ее новый знакомый, глядя в спину уходящему мужчине и спешно поднимаясь. – Видела его лицо? Тебе показалось, он зол? Как же я его не заметил?! Теперь наставник Келлан будет думать, что

меня девка какая-то защищает, что я жалок! Как же так!

Алана только пожала плечами. Хорош наставник, не вмешивающийся в драку, где один его ученик безнаказанно избивает другого. Отец называл учителей, не вмешивающихся в неравные драки, никудышными. Этой мыслью Алана поделилась с Жеаном, чем обрушила на себя волну его негодования.

– Ты ничего не понимаешь! Рест меня достал, и это было моим просчетом, я не держал защиту, отвлекся. Теперь я опозорен, и вряд ли смогу реабилитироваться. Наставник не дал бы мне погибнуть. Скорее всего, он услышал мой крик и хотел посмотреть, смогу ли я побороть боль. Так я заработал бы несколько очков. У Келлана сложно заработать очки, знаешь ли, но справься я, сосредоточься, он бы меня отметил. Такой шанс! Как думаешь, Рест совсем ушел?

Парень оглядывал садик.

– Может, войдешь? – Алана отряхнула с короткого камзола парня сухую траву. – Вид у тебя такой, будто немного чая тебе не помешает.

Жеан, смешно озираясь, забежал в кухню и закрыл дверь, а потом с видимым облегчением устроился на табурете, подальше от окна. Казалось, парень сейчас расплечется. Он стянул перчатки, и Алана с ужасом разглядела волдыри на его темно-красных как сырая говядина руках, и ей самой захотелось плакать. Как же больно это должно было быть! Сказав ему немного подождать, девушка пошла к печи, чтобы

набрать угля и намолоть его с травами. Жеан прислонился к стене и прикрыл глаза. Лоб его каплями покрывал пот, светлые волосы тоже были влажными, низкий хвост сбился набок.

– Вообще не сосредоточиться, понимаешь? – плачущим голосом пожаловался он, пока Алана намазывала на его руки лечебную смесь и закрывала ее чистыми льняными салфетками. – Я слышу только боль. Он заглянул в меня и увидел только это. Я жалок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.